

Ася БЕЛАЯ
ЦВЕТЫ ВСЕГДА
МОЛЧАТ

18+

Самые изысканные романы о магии
и страсти от лучших авторов!

Пятьдесят оттенков магии

Яся Белая

Цветы всегда молчат

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Белая Я.

Цветы всегда молчат / Я. Белая — «АСТ», 2016 — (Пятьдесят оттенков магии)

ISBN 978-5-17-095223-6

В юном возрасте Мифэнви Грэнвилл постигло большое несчастье, но она смиренно приняла свою долю. Однако у судьбы оказались на нее совсем другие планы. Но согласится ли своевольная принцесса с тем, что уготовила ей судьба? Джозефин Торндайк глубоко несчастна в браке, ведь, покоровшись воле отца, она была вынуждена выйти замуж за человека, которого едва знала. Но она не отчаивается и верит, что ее мечта о настоящей любви обязательно сбудется. Но, может, счастье куда ближе? Стоит только присмотреться... Выращивать цветы – сложное искусство. Ведь одни из них капризны, другие, наоборот, неприхотливы. И лишь немногие умеют слышать язык цветов. Люди называют их садовниками...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095223-6

© Белая Я., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1. Розы в моем саду	6
Глава 2. Строки твоей истории...	13
Глава 3. Цена решений	18
Глава 4. Пухом ангельских крыл...	24
Глава 5. Твой безрадостный высохший сад	32
Глава 6. За одну улыбку твою...	38
Глава 7. Научи меня цвести...	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Яся Белая

Цветы всегда молчат

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Я садовником родился,
не на шутку рассердился,
все цветы мне надоели,
кроме... Розы...
Роза. Ой!
Садовник. Что с тобой?
Роза. Влюблена.
Садовник. В кого?
Роза. В тюльпан.*

Детская игра

Глава 1. Розы в моем саду

Северный Уэльс, Лланруст¹, 1875 год

В музыкальном салоне играли «Колыбельную» Брамса. Арфа и металлофон, сливаясь, порождали фей сна. Те парили в воздухе, осыпая людей золотой пылью с радужных крыльев. И сама музыка чудилась их пением.

Ветер швырял в окно пригоршни золотой листвы, но на этом не останавливался, а, дерзко проникая на территорию людей, подхватывал листья и кружил их по паркету в беззаботном танце осени. И, неугомонный, теребил тончайший тюль занавесей, путался в волосах.

В первом ряду плакала девушка.

Золотой пылью, решил Пол, ей досталось больше всех: рассыпавшейся по волосам и шее, припудрившей нос и щеки, задерживающейся на кончиках ресниц. Пол, усмехнувшись, подумал: позиция у меня выгодная – и часть сцены, и первые ряды партера как на ладони.

Взгляд молодого человека скользнул ниже, отметив, что аккуратная грудь юной плакальщицы высоко вздымалась... Одетая девушка была в простенькое голубое платьице. Кружевная накидка подчеркивала юность и грацию незнакомки.

Пол снова посмотрел юной особе в глаза. В них, серо-голубых, будто льдистых, дрожали бриллианты слез.

– Представьте себе – ее здесь считают чуть ли не первой красавицей! Пфф! – в голосе стоявшей неподалеку дородной дамы в ярко-синем платье, обмахивавшейся огромным веером, звучало откровенное презрение.

Пол видел эту женщину в первый раз, но сразу же определил в ней принадлежность к людям, у которых на все есть свое, непременно верное и неоспоримое мнение, и они спешат поделиться им с окружающими.

– А вы, как я погляжу, – осторожно начал он, – с такою оценкою не согласны?

– Ну конечно же! – едва ли не с возмущением отозвалась его собеседница. – Слишком худая, в веснушках, движения чересчур нервные и порывистые!

Пол хмыкнул и, взглянув на рыжеватые локоны, узенькие вздрагивающие плечи обсуждаемой персоны, ее острые лопатки, топорщившиеся под ткань платья, решил для себя, что в жизни не встречал никого прекраснее. Но свои выводы оставил при себе. Этой синей, похожей на грозовую тучу даме незачем знать, что в переполненном зале музыкального салона не существовало ничего, кроме сказочной музыки, кружения листвы и хрупкой девушки, плакавшей от восторга.

Он даже не заметил, куда делась его давешняя визави, и вздрогнул, услышав мужской голос вместо женского.

– Вижу, вы не сводите с нее глаз! – упитанному коротышке в полосатой тройке пришлось приподняться на цыпочки, чтобы шепнуть это Полу. – Здешняя жемчужина, Мифэнви Лланруст, дочь правителя. Почти принцесса. Вы представлены?

¹ Наиболее древнее из ныне известных виртуальных государств расположено в Уэльсе. Возникло оно в 1276 году, когда король Уэльса Лливелин III ап Грифид даровал округу Лланруст статус вольного города. Лливелин досиживал на троне последние годы: британский монарх Эдуард I Длинноногий уже готовил поход вразумляющей армии, дабы прекратить валлийские безобразия. И последний король Уэльса даровал Лланрусту вольницу: все равно еще немного – и корону отберут, а то и вместе с головой. Корону Лливелин в итоге таки потерял (вместе с головой), а в неразберихе последовавших событий решение относительно Лланруста не отменили. Эдуарду было не до разборки уэльских рескриптов, у него Шотландия отделялась под чутким руководством Уильяма Уоллеса. Жители вольного округа оказались на редкость терпеливы и досидели в означенном статусе аж до 1947 года. Пример Ирландии, похоже, их вдохновил, и гордые валлийцы решили на мелочи не размениваться. И подали прошение в ООН о признании независимости округа в статусе республики. ООН решила, что если британские монархи семь веков не торопились, то и ей спешить некуда. Так и остался Лланруст просто вольным городом под британской короной – фактически виртуальным образованием. Впрочем, непохоже, чтобы его жителей этот статус как-то тяготил.

Пол отрицательно помотал головой.

– Я в Лланрусте со вчерашнего вечера, – пояснил он. – Только и успел – снять отель да отужинать. А с утра, едва проснувшись, отправился на моцион. И вот забрел сюда: дверь открыта, музыка льется, публика нарядная...

– Это – одна из причуд принцессы. Когда в Лланруст приезжает какой-нибудь оркестр – а здесь их всегда полно; да и прочие богемные – поэты, музыканты, архитекторы – так и льнут! – так вот, если приезжает кто – Мифэнви сразу приглашает их сюда, в свой салон, и велит открывать двери и окна, чтобы все слышали. Говорит, искусство – для всех. Взбалмошная девчонка.

– А я нахожу такую причуду прелестной, – улыбнулся молодой человек и протянул незнакомцу руку: – Пол Грэнвилл, к вашим услугам.

– Аарон Спарроу, очень рад, – весело проговорил тот, отвечая на рукопожатие. Руки у него, заметил Пол, были пухлые и неприятные. – Послушайте, а вы случайно не из Грэнвиллов Глоум-Хилла?

– Случайно из них.

– О! – возрадовался Спарроу, – значит, вы посланы мне судьбой! Я слышал, в ваших местах разводят дивных козочек, которые дают отменную шерсть.

– Да, шерсть у нас и вправду отличная! А вам, собственно, зачем? Уж простите мое бестактное любопытство.

– Что вы! – Спарроу поднял руки вверх в примирительном жесте. – Это нормально. Я только приветствую любознательность в молодых людях. Редкость в наши времена: обычно молодежь ничего не хочет слышать, потому как полагают, что им и так известно все. А если вернуться ко мне, то я – коммерсант, скупаю-продаю. Такие дела.

«Спекулянт, точнее», – подумал Пол, но вслух спросил: – А что продает Лланруст?

Спарроу хихикнул:

– В основном красоты и арфы. Еще хлопок здесь добротный.

Музыка затихла, и принцесса Мифэнви поднялась, чтобы поблагодарить музыкантов. На ее нежных щеках играл румянец, а глаза еще блестели от слез.

– А вы здесь по какому вопросу? Турист?

Пол, поглощенный созерцанием своей золотистой феи, не сразу сообразил, что обращались к нему. Но потом спохватился, замотал головой:

– Нет, у меня скорее научный интерес...

– А, – протянул Спарроу, слегка разочарованно. – Но вижу, к научному у вас теперь добавился и личный.

Пол смутился и покраснел.

– Идемте, представлю вас, я коротко знаком с ее отцом: веду дела. Арфы сейчас в Лондоне в большой цене.

Пол растерялся еще больше, но упустить такой шанс просто не имел права.

– Миледи, разрешите... – Спарроу довольно бесцеремонно окликнул дочь правителя Лланруста, и та обернулась. На миг их с Полом взгляды встретились, и мир вокруг замер.

А потом она подошла, окутав его нежным цветочным ароматом, и протянула руку. Ладонь ее была такой узкой и невесомой, что Пол даже испугался: как бы не навредить рукопожатием.

Но принцесса согрела его обнадеживающей улыбкой, а затем проговорила, и голос ее звучал подобно давешнему пению арфы – серебристо и нежно:

– Вы должны немедленно похитить меня, и тогда, возможно, я подарю вам поцелуй.

Сказала – и густо залилась краской. А глаза ее будто шепнули: «Я нашла тебя».

И сердца молодых людей в тот же миг заколотились в едином ритме, выстукивая: *судьба...*

– И чего же вы ждете? – слегка обиделась принцесса, видя растерянность и смущение Пола. – Раз так – я сама украду вас! – тихо, но четко проговорила она, беря его за руку и мучительно краснея от собственной дерзости. – Идемте, – и добавила уже увереннее и громче: – Вы должны видеть их. Они только вчера расцвели. Розы в моем саду...

И он позволил себя увести, точно зная, что пошел бы за ней даже на смерть...

Графство Нортамберленд, замок Глоум-Хилл, 1878 год

– Мифэнви, вы совсем себя не жалеете!

Колдер Грэнвилл накинул пушистый плед на колени своей невестки.

– Вы совершенно напрасно волнуетесь, – смущенная такой заботой, молодая женщина зарделась до корней волос. – Тут совсем не холодно...

– И поэтому ваши руки ледяные?

Он осторожно пожал ее узкую ладонь, совсем легко, почти неощутимо коснувшись белой атласной кожи. Но тут же отпустил, вздохнул и отошел к письменному столу.

– Смотрите, вы не разбирали почту?

– Да, извините меня, – тихо отозвалась Мифэнви, – я немного расстраиваюсь, что мне никто не пишет.

– Господи! Да что же вы себя хороните в двадцать лет!

Колдер посмотрел на нее так, что женщина явственно почувствовала: рассержен и, должно быть, хотел бы встряхнуть ее как следует, и еще ниже опустила голову.

– Увы, – проговорила она, роняя вязание, – вы ведь знаете: я умерла еще тогда...

Она закрыла лицо руками, и плечи ее затряслись от рыданий.

– Простите меня, – Колдер почти подбежал к ней и опустился у кресла. – Простите... Я не должен был...

У него сводило пальцы от желания обнять, укрыть от всех бед, утешить, убаюкать...

– О нет, Колдер, вы не виноваты, – Мифэнви подняла на него глаза цвета умытого дождем неба, и у мужчины перехватило дыхание. – Я знаю, все ваши действия и слова продиктованы заботой обо мне. Право же, – порывисто сжав его руку, сказала она, – я ничем не заслужила такого друга, как вы.

И он позволил себе прижаться губами к голубой жилке на ее запястье. Невесомо. Ожидая немедленного наказания за дерзость. Но Мифэнви лишь улыбнулась, чуть-чуть обнажив белоснежные, но неровные острые зубы.

– Вы заслуживаете куда большего! Ведь благодаря вам в Глоум-Хилле появились цветы, – прошептал он.

– Вы говорите так, будто я – цветочная фея!

– Во всяком случае – очень похожи. Вся в пыльце.

– Еще никто не называл так мои веснушки.

– Значит, я хоть в чем-то – первооткрыватель.

Колдер лукаво подмигнул, и Мифэнви тихо рассмеялась. А солнце, запутавшись в ее рыжеватых кудряшках, упрямо не желавших лежать в строгом вдовьем пучке, и окрасив их ярким золотом, будто подтвердило ее неземное происхождение. Отсмеявшись, она вернулась к рукоделью, а он, встав, снова занялся почтой.

– А вот вы и ошиблись, что никто не станет вам писать. Тут письмо на ваше имя. И пресолидное, – Колдер протянул ей ванильно-розовый конверт с гигантской печатью.

– Ох, это от батюшки! Такая печать может быть только у него... – Мифэнви смутилась. – Мне, право, стыдно за эту склонность отца к столь театральным жестам.

Она поспешила вскочить, чтобы скорее взять письмо, но запуталась в плеле и, ахнув, полетела вперед.

Колдер подхватил ее, и оба замерли. Сердца их колотились бешено и в унисон. И они не могли отвести взглядов друг от друга.

Наконец Мифэнви, густо покраснев, аккуратно высвободилась из объятий деверя, встала и вынула из его безвольных пальцев злосчастный конверт.

Она читала, а Колдер любовался ею, стоящей в косо́й полосе солнца: даже в этом глухом черном платье она была краше всех разодетых принцесс.

Мифэнви вскрикнула, пошатнулась, и письмо, по круговой, спикировало на пол. В этот раз подхватывать ее не пришлось – она намертво впилась побелевшими пальцами в спинку кресла.

– Батюшка болен... – промолвила тихо, прижав сложенную ладонь к груди и опустив голову, – умирает... – уже совсем тихо проговорила она и как подкошенная рухнула вниз, тоненько заскулив.

Теперь Колдер не раздумывал – бросился к ней, опустился рядом, обнял и прошептал, баюкая:

– Не отчаивайтесь. Будем верить в чудо. Но выезжайте немедленно! Я распоряджусь об экипаже.

Он дернулся, намереваясь встать, но она не позволила ему уйти, как ребенок, схватилась за ворот сюртука и замотала головой.

– Нет. Одна не поеду. Если что-то случится – не выдержу.

Он сглотнул, отгоняя даже мысль о подобном исходе, и, взяв ее за руку, заверил:

– Вы не будете одна. Я еду с вами.

– Благода... – Мифэнви осеклась на полуслове, и Колдер, проследив за ее взглядом, заметил, что внимание невестки привлекла записка, выскочившая из того же конверта. Мифэнви вытащила послание и принялась читать. Постепенно тучи печали, сошедшие было на ее нежное лицо, разорвала улыбка. – Это Мыш. Он пишет, чтобы я не вздумала срываться с места, потому что батюшка, цитирую: «... что-то задумал и чудит...» Мыш пообещал держать меня в курсе и сообщить, когда дело действительно станет плохо. Так он пишет...

– Прескверно пишет, надо признать, – проговорил Колдер, поднимаясь, отряхивая брюки и протягивая руку, чтобы помочь подняться ей. – И кто он вообще такой, этот Мыш?

Мифэнви вернулась в кресло и, усевшись, позволила себе расслабиться:

– Мыш – правая рука моего отца, а заодно – его мозги. Он и начальник стражи, и первый советник, и канцлер... Да легче сказать, кем он не является. На самом деле, его зовут Глейн Нотенгейм, и не будь его при дворе, батюшка давно спустил бы весь бюджет Лланруста на балы и фейерверки.

– Но почему вы зовете столь почтенного человека странным и обидным, на мой взгляд, прозвищем? – Колдер поморщился, давая понять, как он относится к такого рода шуткам.

– Не думаю, что Глейна можно назвать почтенным. Он такой худой и несуразный, и где-то ваших лет, – продолжила она все в том же веселом приподнятом расположении духа, – и еще он альбинос, притом – с красными глазами! На мыш похож. Потому его так все и зовут. Кажется, в Лланрусте мало кто помнит его настоящее имя. Да он и сам себя так же именует. Так что никаких обид.

– Должно быть, мне никогда не вникнуть в политическое устройство Лланруста, – проговорил Колдер, хмыкнув и вновь зашуршав бумагами. – Мышь – царедворец! Что может быть хуже и уморительней?

Но вопрос так и остался без ответа. Едва Мифэнви открыла рот, дабы возразить ему, как была бесцеремонно прервана – в гостиную вбежала горничная, крича:

– Милорд, милорд, там! – запыхавшись от бега, говорила она торопливо, проглатывая слова.

– Итак, Мэрион, что же такое стряслось, что вы ворвались сюда без стука и разрешения? – вкрадчивым тоном поинтересовался Грэнвилл, складывая руки на груди и принимая невозмутимый вид. И надо признать, учитывая его рост и ширину плеч, зрелище получилось впечатляющим.

Девушка вся затряслась и окончательно растеряла слова. Кое-как ей удалось выпалить:

– Там эта леди... В розовых рюшках... Говорит: ваша кузина. И вы должны ее спасти...

– Кузина! – его голос зазвенел от гнева и возмущения. – В жизни не слышал ни о каких кузинах! Тем более в розовых рюшках!

– Она утверждает, что ее имя – Грэнвилл! Что же мне теперь ей передать?

– Ничего. Остайся здесь, с миледи. А я спущусь и выгоню эту самозванку прочь.

– О нет, Колдер, я вам не позволю, – решимость на нежном лице Мифэнви говорила о том, что она от своего не отступит. – Вдруг бедная девушка и впрямь нуждается в помощи! Мы не можем бросить ее! Пол бы так никогда не сделал!

– Ах да, конечно! Пол! Наш святой Пол! Заступник сирых и убогих! – яростно прогрохотал Колдер.

– Какой же вы! Какой вы... несносный! – задохнулась Мифэнви и, развернувшись на каблуках, подхватила под руку Мэрион, направляясь к двери.

– Миледи, – оказавшись на безопасном расстоянии от хозяина, Мэрион осмелела, – как вы не боитесь! Он же ни дать ни взять Дракула: худой, бледный, вечно в черном. И весь такой: уууу! я иду пить твою кровь!

– Да бросьте вы, дорогая Мэрион, – расстроено проговорила Мифэнви. – Колдер – прекрасный человек. Только очень одинокий. А еще вечно переживает за всех. Тут любой станет худым и бледным. Я вот тоже черное ношу, значит, и я Дракула?

– Нет, – Мэрион покачала головой. – Вы пленница. Он зачаровал вас и держит здесь, в своем замке. Ждет, когда зачехнете. А потом он на вас женится. Вас – вы уж простите, но это правда! – все так и называют: мертвая невеста.

– Господи, Мэрион, что за суеверия?

Предрассудки возмущали Мифэнви. Подумать только: уже между городами ходят поезда, летают по небу дирижабли, есть телеграф и газовые лампы, а люди продолжают верить в разные глупости! И не совестно!

За таким разговором они и спустились в холл. И тут Мифэнви почти ослепла от розового всполоха, что тут же метнулся к ней.

– Кузина! Кузина! Ты истинный ангел!

Гостья сжала ее ладони в своих и затрясла. Мифэнви стояла на последней ступеньке и поэтому казалась выше незваной посетительницы, что придавало ей несколько покровительственный вид и позволило рассмотреть свалившуюся, как снег на голову родственницу. Обладательница невероятного розового платья была ослепительно красива: огромные голубые глаза, золотые локоны, тонкий нос, алые губы, фарфоровая кожа, высокая грудь и тоненькая талия. Казалось, в ней нет ни одного изъяна.

Мифэнви сразу почувствовала себя блеклой и старой, истинной вдовой.

– Я тоже рада видеть вас, уважаемая кузина, – церемонно, как и полагается взрослым женщинам, проговорила она, сделав книксен, – но, к моему глубочайшему сожалению, мы еще не представлены друг другу.

– Ой-ой-ой, кузина, к чему все эти росказни и чинный голос?! Я – Латоя Грэнвилл, можно просто Ти. А ты – Мифэнви? Пол рассказывал о тебе. Я стану звать тебя Мейв.

– Или вы будете называть хозяйку этого замка полным именем и добавлять «миледи», или вылетите туда, откуда явились.

От холода в голосе Колдера, явившегося следом за ними, у Мифэнви волоски на затылке зашевелились – три года назад ей в этом доме оказали столь же недружелюбный прием. Но пока она собиралась с мыслями, подбирая слова, чтобы погасить неизбежный конфликт, Латоя пронеслась мимо нее, подобно урагану, и с воплем: «Колди» бросилась на шею человеку, которого даже самые верные слуги считали прислужником тьмы.

Мэрион даже попятилась, бормоча молитвы, а Мифэнви на всякий случай зажмурилась.

Однако ожидаемого смертоубийства не последовало: Колдер, лишь поморщившись, оторвал от себя любвеобильную родственницу и спокойно поставил ее на пол.

– Все-таки я бы предпочел, чтобы вы выражали радость менее бурно и не сокращали мое имя. И еще – у нас принято предупреждать о визитах заранее: в замке, знаете ли, нет гостевых комнат, – безэмоционально отчеканил он.

– Не будь буквой, Колди, – проигнорировав все вышеизложенное, надулась Латоя. – И я ни за что не поверю, что в таком огромном замке не найдется комнаты для меня, – и невинно похлопала длинными ресницами.

– Где вы росли? Что за ужасные речь и манеры? Я вовсе не уверен, можно ли вас пускать дальше порога: вы же весь Глоум-Хилл заразите своей розовой чепухой, – смахивая незримые пылинки с безупречного сюртука и отодвигаясь подальше от взбалмошной девицы, холодно проговорил Колдер. – И в замке действительно нет лишних комнат.

Мифэнви, испугавшаяся было, что слишком бурное проявление чувств со стороны Латои приведет к буре, взбодрилась. В ней вновь проснулась та озорная девчонка, которая три года назад встретила лицом к лицу с угрюмым хозяином Глоум Хилла. Будь она нынешней, разве выдержала бы тогда? Прав был Колдер – цветы здесь вянут...

Да уж, этот замок умеет пить соки!

– Не злитесь, Колдер, и будьте вежливым с гостьей, – строго сказала она. – Тем более что Латоя вполне может занять мою комнату – мне настолько большая не нужна. Там есть ванная и камин.

Колдер недобро прищурился.

– Что ж, если вам плевать на свое здоровье, то я умываю руки, – спокойно сказал он, хотя в темных глазах его полыхала ярость. – Но попробуйте мне только кашлянуть – я выгоню вас прочь. И я не шучу. Приятного вам дня и разрешите откланяться.

С этими словами он крутнулся на месте, мазнув воздух полкой черного сюртука, и удалился с оскорбленным видом. И тогда обе леди взяли за руки.

– Не бойся его, – миролюбиво произнесла Мифэнви, отказываясь от официального тона. – И можешь сколько угодно называть меня Мейв. Идем, я тебе все покажу.

Мифэнви жалела об одном: Латою не с чем сравнивать, а значит, она не увидит, как изменился Глоум-Хилл за прошедшие годы. Можно сказать, он стал живым памятником Полу... И те, кто свято исполнял этот долг памяти, не жалели усилий, чтобы столь любимая им обитель хорошела и процветала... И все-таки Мифэнви решила постараться обрисовать новой родственнице случившиеся изменения.

– Только представь, – начала она, взяв Латою под руку и увлекая по лестнице, – когда я приехала сюда с Полом, здесь кругом была пыль, словно никто не жил. И занавесок не было... И цветов...

– Неужели совсем ничего?! – ахнула Латоя.

– Совсем, – подтвердила Мифэнви, – только серые, небеленые стены и рояль. Рояль я запомнила хорошо. Он стоял в отдельной круглой комнате и был великолепен.

– Ты играешь? – Латоя едва не скакала от восторга.

– Раньше играла. Теперь нет. Что-то умерло во мне, когда погиб Пол. Знаешь, на самом деле я ненавижу цветы. Просто сажаю их... Наверное, для Колдера... И чтобы себе самой доказать, что у меня еще есть душа...

– Да, печально у вас тут. Что же вы так и сидите с книгами и разговорами? И балов не даете?

– Какие уж тут балы! У меня был такой нервный срыв, что я полтора года в постели провела. Совсем жить не хотелось. Если бы не Колдер...

Она вздохнула и затихла. К тому времени они достигли комнаты, и Мифэнви повела рукой:

– Располагайся.

– А ты?

– Переберусь в старую комнату Пола.

– И тебе не страшно? Вдруг он... ну... появится, – загробным голосом произнесла Латоя.

– Я не верю в призраков, – Мифэнви резко пресекла ее попытку удариться в мистику. – А потом, даже если он и появится передо мной, буду только рада: уже начинаю забывать его черты.

– Вот мрак-то!

– Что ты имеешь в виду?

– Да все ваше! Я хорошо помню Пола. Последний раз он был таким счастливым. Все о тебе рассказывал. И о Колди. Как будет вас знакомить. Мы тогда посмеялись вдоволь. А потом мы уехали – маман разболелась и торопилась на воды. Приезжаем – а тут!

Мифэнви стиснула зубы и сжала кулаки: она не будет плакать перед этой розовой и беспечной девчонкой. Ни за что.

– Извини, тебе надо отдохнуть с дороги, – сказала леди Грэнвилл, отвернувшись. Чуть поклонилась и юркнула за дверь. Мчалась, не разбирая дороги, до самой комнаты Пола, а там рухнула на кровать и, вцепившись в покрывало, разревелась, как не ревела давно. Колотила, рвала волосы и выла, тоненько и протяжно, как раненая собачонка.

– Пол! Любимый! Почему ты?! Почему?

Тяжело хоронить себя заживо в двадцать лет.

Глава 2. Строки твоей истории...

Лондон, Хэмпстед, 1878 год

– Ах, как я несчастна! – протянула Джози Торндайк, заламывая руки и откидываясь в кресле.

Ричард Торндайк поправил очки, отложил газету и окинул свою супругу насмешливым взглядом.

– Ангел мой, что-то у вас сегодня подозрительно хорошее настроение.

– Вы находите? – она продолжила буравить взглядом потолок, украшенный нарядными фресками с идиллическими сценками из жизни пастушков.

– Разумеется. Вы не зовете меня чудовищем. Не закатываете сцен. Не грозитесь свести счеты с жизнью. Вот я и раздумываю, что же такое с вами произошло?

– Должно быть, от постоянного нервного напряжения у меня развилась ипохондрия, – бесцветным голосом предположила Джози и для убедительности прокашлялась.

– Ах, вон оно что, – с притворной озабоченностью произнес Ричард. – А я-то все думаю, отчего у вас такой прелестный цвет лица. А это, оказывается, ипохондрия. В следующий раз нужно будет сказать Вардису, пусть внесет в список симптомов.

– Я бы не стала на вашем месте смеяться, – надула губки Джози, а губки у нее, надо признать, были пресоблазнительные. – Клодин мне, между прочим, сказала, а ей сказали на рынке, что в Лондоне сейчас свирепствует страшнейшая инфлюэнца. Кто заражается ею – непременно умирает. И я чувствую, что тоже больна и скоро умру. Поэтому я и говорю, что несчастна. Ведь я еще так молода, чтобы умирать.

– О да, это была бы невосполнимая потеря!

– Жестокий и бессердечный! Вы должны рыдать и молить Бога, чтобы он забрал вашу жизнь вместо моей!

Она надулась еще больше, а в глазах заблестели слезы. Ричард опустил голову и прикрыл лицо ладонью, чтобы юная супруга не заметила его улыбки.

– Неужели вам вправду не жалко меня? Ни чуть-чуть? Ах, как же я несчастна!

Ричард подавил улыбку, подошел сзади к креслу жены, бесцеремонно подхватив ее под мышки, вытащил из уютного кокона одеял и поставил на пол. Несмотря на обеденный час на ней все еще была тонкая сорочка и легкомысленный пеньюар. Длинные темно-русые волосы в беспорядке рассыпались по хрупким плечам.

Он резко развернул Джози к себе и потянул ленты ее negligé.

– Что... что вы делаете?... – возмутилась юная миссис Торндайк, пытаясь вырваться из объятий мужа.

– Собираюсь избавить вас от инфлюэнцы. Это такая страшная болезнь, что вам просто никак нельзя пренебрегать профилактическими процедурами.

Серебристый шелк пеньюара скользнул вниз, по точеным изгибам ее фигуры. Одной рукой Ричард ласково сжал изящное запястье Джози, другой – обвил тоненькую талию, привлекая к себе. Джози выгнулась ему навстречу, а губки ее приоткрылись, чем Ричард не преминул воспользоваться, впившись в них страстным, обжигающим поцелуем.

Обретя возможность дышать, Джози тут же взвилась:

– Да что вы себе позволяете?! Сейчас же день! Сюда в любую минуту могут войти!

– И что? – прошептал ей в самое ушко Ричард, перед тем как укусить его, – они лишь увидят, что я целую свою прелестную жену. Разве это запрещено?... – он перебрался на шейку и опустил к ключице.

– Ах... Вы целуете меня не так...

– Скажите, ангел мой, как следует... вас целовать, и я тотчас же исправлюсь... – голос его прерывался от едва сдерживаемой страсти.

– Это слишком предосудительно... Слишком соблазнительно... Ах... – она стащила с него очки, в очередной раз удивившись необыкновенной синеве его глаз и слишком длинным для мужчины ресницам, запустила пальчики в густые угольно-черные волосы и с жаром ответила на поцелуй...

Вскоре они перебрались на оттоманку и стали поспешно избавлять друг друга от оставшейся одежды. Он вторгся в нее грубо, резко, сразу погрузившись на всю длину. Она не возражала, лишь выгнулась дугой и запричитала нищенкой на паперти: «Господи!.. О господи!..» Он двигался быстро и яростно, а Джози стонала в голос и металась по оттоманке, комкая атласное покрывало. Ее уже не волновало, что кто-то может войти и увидеть...

Когда все закончилось, она лежала без мысли в голове и ворошила его обычно столь безупречную прическу. Тонкие длинные пальцы Ричарда выписывали на ее теле только одному ему известные знаки.

– Я говорила вам прежде, что не люблю вас...

– О да, неоднократно и в самых прямых выражениях.

– Так вот, – лениво произнесла она, – теперь я вас ненавижу. И это не шутка. Моей ненависти хватило бы на то, чтобы взорвать мир.

– Чем же я заслужил такое? – псевдообиженно пробормотал он, введя в нее сразу три пальца.

Джози вскрикнула, глаза ее распахнулись.

– Мне больно, – прохныкала она, подаваясь перед и насаживаясь на них. Он ускорил движения, заставляя ее всхлипывать.

– Так чем же? – напомнил он, наклоняясь и кусая ее розовый сосок.

– Вы... вы... ах... вы... жестокий, свирепый... вы животное. Безжалостный монстр! – прокричала она, приподымаясь на локтях и шире раздвигая ноги. Еще несколько движений, и она кончила с громкими вскриками. Почти потеряв сознание, она упала в его объятия. Он взял ее руку и прошелся языком по нежнейшему атласу ее запястья.

– Джози, радость моя, ответьте мне на один сакраментальный вопрос: если вам так не нравится все, что происходит между нами в интимном плане, почему вы не просите меня сменить тактику? Быть нежнее? Зачем подбадриваете, стонете и просите не останавливаться?..

Она вздохнула, несколько судорожно, потому что кончик его языка вновь обвел пленительную округлость ее соска.

– Понимаете, Ричард, – проговорила она, укладываясь так, чтобы ему было удобнее ласкать, – умом я понимаю, что все это неправильно, предосудительно и грязно... И приличная леди должна сгореть от стыда, что с ней происходило такое... И я сгораю, и плачу, и ненавижу вас за этот стыд... Клянусь себе однажды ночью всадить вам нож в грудь... Схожу с ума от унижения и обиды... Но когда вы касаетесь меня... Ах... Мне... Мне... совсем не хочется быть леди... Пожалуйста, не останавливайтесь, – хныкнула она.

Но он лишь тяжело вздохнул и отстранился. Несколько секунд прошло в молчании. Ричард нашарил очки и водрузил их на нос, словно они возвращали здравый смысл.

– Джози, как мне заслужить вашу любовь? – сказал он серьезно и даже печально.

– Не знаю, – она пожала плечиками. – Может, если бы вы сделали что-нибудь романтическое, я бы подумала...

– Насколько романтическое? – спросил он, подбирая разбросанную по полу одежду. Она наблюдала за ним из-под полуопущенных ресниц. Гибкий, стройный, поджарый, и движения, как у хищника, сильного и уверенного в себе.

– Что-нибудь безумное и скандальное...

– Джози, не вы ли давеча читали мне лекцию о приличиях? – он натянул брюки и набросил рубашку...

– Вы не поняли. – Она привстала, тряхнула головой, волосы водопадом ринулись вниз, глаза мужа при этом восторженно вспыхнули, – скандальное не значит предосудительное.

– Я действительно не понимаю. – Он присел рядом, она тут же забралась к нему на колени и свернулась клубочком...

– Понимаете, днем вы такой обычный, даже занудный... А по ночам – разнузданный, бесцеремонный, грубый.

– А вам бы хотелось наоборот?

– Нет, мне бы хотелось, чтобы днем вы не сидели с этими своими книжками и вашими унылыми друзьями, а развлекали меня...

– О, мой ангел, я не могу бросить научную деятельность даже ради этого...

– Вот видите, все-таки вы – зануда... – Она потерлась носом о его ладонь и с удовольствием почувствовала, как по его телу пробежала дрожь.

– Хорошо, – он сдался на милость победительницы, – давайте вернемся к тому, на чем остановились, – к скандальному, но не оскорбительному...

– Например, меня бы могли похитить разбойники, а герой бы меня спас...

Ричард поправил очки и прокашлялся:

– А роль героя, я так понимаю, отводится не мне?

– Ну разумеется, – тоном, каким объясняют азы маленькому ребенку, заявила она. – Герой должен быть юным и прекрасным, а вы – старый и уродливый!

Ричард поперхнулся.

– Мне же всего тридцать два, – робко напомнил он.

– Вот именно, целых тридцать два. И вы – очкарик. А еще – заикаетесь, если сильно волнуетесь, как в тот раз, когда просили моей руки...

– И после этого вы называете меня жестоким и безжалостным? – сощурившись, поинтересовался он.

– Ах... вы просто невыносимы... Это же я рассказываю... И мне, между прочим, холодно, могли бы меня одеть, а то только раздеваете...

– А что делать, ежели у вас отсутствует не только элементарный вкус, но и чувство меры, вот и приходится избавлять вас от лишнего...

– Злой вы человек, – она была обижена, но все-таки позволяла ему крутить себя и так и сяк, чтобы он мог аккуратнее завязать ленты ее более чем легкомысленного наряда.

– Безусловно, – согласился он. – Я даже не буду спорить... Но, признаться, вы меня заинтриговали: какая же роль в вашем романтическом приключении отводится мне? Я просто сгораю от любопытства.

– У вас совсем нет фантазии? За что вас только держат в Королевской академии наук?!

– Действительно, завтра подаю в отставку, сжигаю все свои книги и совершаю аутодафе – зачем такой никчемности занимать место под солнцем.

– Ричард, с вами никогда не поймешь, шутите вы или вправду обижены! – возмутилась она. Он же закатил глаза и мысленно попросил силы небесные укрепить его дух и выдержку. Джози немного позлилась, но все-таки снизошла: – Вы будете злобным главарем разбойников...

– Кто бы сомневался, – пробормотал он, подходя к камину и опираясь на мраморный выступ.

– Да, – Джози в возбуждении заходила по комнате. Щеки ее пылали, а глаза горели. – Вы привяжете меня к дереву и будете... – она запнулась, подбирая слова, – в общем, вы надругаетесь над моим невинным телом...

– А как же герой? – напомнил Ричард.

– На то он и герой. Он не только спасет несчастную, но еще и будет залечивать раны ее искалеченной души...

– А вы знаете, я начинаю находить определенные прелести в участии главного злодея. Не люблю пафос и сахарную пудру.

– Ну вот! Вечно вы все испортите – злодей должен раскаяться. И сам отдаться в руки палачей.

– С чего вдруг?

– Ну как же, должен же он понести наказание за оскорбленную невинность героини...

– Это еще спорно.

– Бесспорно! В конце концов, это моя история. Или вот еще, потому что ту вы испортили!

– Все! Молчу! И весь внимание!

– В общем, есть прекрасный остров в море. На нем живет юная и непорочная принцесса, которую местные... как их там...

– Обычно – аборигены...

– Да... эти аборигены считают принцессу белой богиней и молятся ей каждый день... Богиня же сидит на троне и повелевает...

– Очень мудрая правительница, – как бы невзначай заметил Ричард.

Джози нахмурила идеальные бровки, что означало крайнюю степень гнева:

– Не влезайте раньше времени! Вы еще появитесь!

– Это обнадеживает.

– Принцесса знает, что однажды за ней приедет прекрасный юноша на корабле с белоснежными парусами... но... вместо этого... на остров нападет дракон... Он хватает принцессу и утаскивает ее в свое логово...

– И зачем же? Он хочет ее съесть?

– Вовсе нет, – Джози вдруг густо зарделась, – он прикует ее к стенке в высокой башне и станет... подвергать ее... сладостным истязаниям...

Ричард подошел к ней, приподнял личико за подбородок и заглянул в глаза.

– Вам не кажется, любовь моя, что в ваших историях несколько смещены моральные акценты? – Он обвел контур ее губ большим пальцем и, наклонившись, поцеловал в самый уголок.

– Вас это беспокоит? – удивилась она.

– Очень, – совершенно серьезно отозвался он. – Почему прекрасная героиня никогда не достается благородному герою?

– Благородный герой – несбыточная мечта. А злобные разбойники и свирепые драконы – суровая реальность. Мечты сбываются редко и, к сожалению, уже после того, как с человеком случилась реальность...

И тут Ричард напугал ее тем, что со стоном рухнул к ее ногам.

– Джози, родная, любимая! – вскричал он, осыпая поцелуями ее пальчики, – что я наделал?!

– Ричард, что с вами? – его отчаяние было таким искренним, что Джози растерялась. – Зачем вы так? Это же просто истории!

Он помотал головой и уткнулся лбом в ее грудь.

– Джози, а если я подарю вам остров, посажу вас на пьедестал и стану звать богиней, я смогу рассчитывать на ваше прощение?

– Ричард, мне совершенно не за что вас прощать. Я не понимаю, почему эти истории так обеспокоили вас?

– Вы – невинное дитя, Джози. Вам сложно представить себе механизмы, через которые зло разрушает чистые души... Недавно вы сказали, что ненавидите меня... Но я заслуживаю лишь презрения...

Его трясло, и Джози, испуганной и притихшей, оставалось только гладить его по голове, утешая.

Понемногу он успокоился, встал, обнял ее и спросил:

– В каких широтах вы бы хотели остров?

– В южных... Чтоб там пели диковинные птицы и росли великолепные цветы...

– Обещаю, цветами будут усыпаны все дорожки, по которым будет ступать моя богиня.

– Правда?!

– Клянусь... А потом я вложу нож в вашу нежную ручку, чтобы вы исполнили свою клятву.

– Какую? – Джози наморщила лобик, припоминая.

Он разгладил морщинки и нежно поцеловал ее в темные завитки волос.

– Ту, где вы убиваете меня, пока я сплю.

Джози подняла личико и посмотрела на своего супруга. В ее серых глазах плясали искорки тревоги.

– Зачем вы так?

– Забудьте пока... – попросил он, – и знаете что, ваши истории получились весьма занятыми и увлекательными. Вам бы следовало их записать.

– О! – горестно пропела она. – Вы же знаете, как я не люблю много писать. У меня будут мозоли от пера...

Ричард улыбнулся, радуясь возвращению привычной Джози – избалованной, капризной, маленькой, обожаемой девочки.

– Тогда у меня для вас есть один подарок. Соизволите прогуляться со мной?

– Еще только час, я выхожу гулять после трех...

– Джози, я говорю не о вас, а о нас с вами. Составите мне компанию?

– У вас прямо какое-то нездоровое желание гулять со мной по улицам. Да еще эта ваша дурацкая привычка держать меня за руку, когда все пары ходят под руку...

– Ангел мой, и как вам только удастся испарять всю мою нежность?!

– Я совершенно не понимаю, что вы имеете в виду. Но хвастаться мною – а вы ведь именно это и делаете – сущее ребячество. Неужели вам нравится, чтобы все смотрели нам вслед и сравнивали: мою красоту и вашу, так сказать, более чем заурядную внешность?

Ричард промолчал, стиснув кулаки. Сделав вид, что не услышал ее тирады, он подошел к газетному столику и взялся за колокольчик. На зов явилась обширная дама в накрахмаленном чепце:

– Клодин, даю вам чуть больше часа на то, чтобы вы искупали, причесали и нарядили госпожу. И просьба – не позволяйте ей делать это самой, а то придется потратить еще час на переодевание.

– Я вообще-то здесь! – запротестовала Джози, но Клодин кивнула господину и утащила ее за собой.

По дороге в ванную юная миссис Торндайк разрабатывала планы мести – один коварнее другого.

Глава 3. Цена решений

Северный Уэльс, вольный город Лланруст, 1875 год

– Не правда ли, они удивительны? – принцесса рассматривала цветы, чуть склонив голову набок.

Пол заворожено смотрел на нее. Даже смысл ее вопроса не сразу коснулся его сознания.

– О да, разумеется, розы в сентябре, да еще здесь, в Северном Уэльсе. Что может быть удивительнее? – Пол решительно шагнул к ней и взял за руку. Девушка смутилась. Она робко прижала кулачок к груди и залилась краской. Все так же глядя на устеленную золотой листвой тропинку, она тихонько проговорила:

– Что бы я ни посадила в землю – все обязательно прорастет. Родственники смеются, предлагают мне при случае закопать в землю палку. Говорят, и она даст ростки.

– Какое чудесное качество! – искренне восхитился Пол. – Чем больше я узнаю вас, тем больше очаровываюсь.

– О, полно, вы перехвалите меня!

– Не думаю, что это возможно.

Она лишь робко улыбнулась.

– Приходите сегодня пообедать с нами. После мы собираемся на прогулку, а вечером будет бал. Батюшка очень любит балы.

– Какой плотный у вас график – вряд ли он позволит нам остаться наедине. Поэтому спрошу сейчас: я ведь упустил свой шанс на поцелуй? – Она кивнула. – Как мне вернуть его обратно?

– Я ведь говорила, – она приподнялась на цыпочки и шепнула ему на ухо: – Похитите меня.

Отстранилась и исчезла, прежде чем он успел опомниться, растворившись в серебристо-золотом мареве осеннего парка.

А ему хотелось смеяться и кричать от счастья.

Лланруст прекрасен в любое время года. Но осень ему особенно к лицу. В осеннюю пору уютный городок с готическими зданиями и старинным мостом над рекой – будто иллюстрация к сказке об эльфах. А присутствие Мифэнви только добавляло уверенности в волшебном происхождении этого местечка.

Пол был несказанно благодарен своему куратору, что тот отправил его изучать вольные города. Прежде Полу это явление было интересно лишь с точки зрения теории права. А теперь... Как там выразился Спарроу: «Добавился и личный интерес».

Молодому Грэнвиллу очень нравилось, что его спутница не сыплет словами, как многие ее сверстницы, а больше молчит. Или время от времени дарит ему чуть смущенную светлую улыбку. Рядом с Мифэнви было так чудесно молчать.

Наставница принцессы, миловидная старушка в шляпке с невозможно огромными цветами и в фиолетовой шали, оказалась очень тактичной: увидев взаимную заинтересованность молодых людей, она следовала за ними на почтительном расстоянии.

Должно быть, это обстоятельство и то, что ему дано было милостивое разрешение называть принцессу просто по имени, заставили Пола решиться и, нежно взяв свою спутницу за руку, он сказал:

– Мифэнви, что бы вы ответили, если бы я, после нескольких часов знакомства, сделал вам предложение?

– Есть вещи, для которых, чтобы разглядеть их суть, требуются годы, а есть то, что понимаешь сразу, – порозовев, смело ответила она. – Я бы обиделась, не сделайте вы этого.

– Тогда, – пылко заявил он, прижимая ее ладошку к груди, где трепетно и торжественно билось сердце, – Мифэнви Лланруст, станьте моей женой!

– С удовольствием, Пол Грэнвилл. И я думаю, мы сегодня же, на балу, должны объявить о нашей помолвке. То-то батюшку хватит удар.

Теперь уже обе ее ладошки в голубых перчатках он страстно прижимал к груди. А она смотрела на него светлыми сияющими глазами. И осень бросала им под ноги все свое великолепие.

Правитель Лланруста не совсем король. Но Дориану нравилось именоваться Пятым, носить корону и использовать название города в качестве своего родового имени. А еще он тайно мечтал о выгодном династическом браке, хотя точно знал, что Мифэнви сама изберет себе спутника жизни и он не станет этому противиться – все-таки единственная обожаемая дочь.

И вот теперь, когда его маленькая Мейв стояла перед ним, склонив голову, а рядом с ней находился красивый юноша с упрямым взглядом, Дориан четко понимал, что девочка выросла и вольна сама выбирать свою судьбу.

Он вальяжно спустился с трона, проковылял к ним и, соединив руки влюбленных, произнес:

– Ну что ж, раз вы уже все решили, мне остается только благословить вас. И знаете что, Грэнвилл, берегите ее – она у меня такая хрупкая.

Пол с нежностью посмотрел на рыжеватую макушку своей невесты – теперь уже точно невесты! – и заверил будущего тестя:

– Обещаю беречь вашу дочь пуще собственного сердца.

– Вот и славно! Да вы со свадьбой-то не тяните – я внуков хочу!

При этих словах Мифэнви зарделась и спрятала личико на груди у своего избранника.

– Идите танцуйте, это будет дивный бал!

И они танцевали, и смеялись, и парили среди звезд. И музыка, которой всегда был полон замок правителя Лланруста, казалось, звучала только для них.

После очередного тура вальса Пол наклонился к своей спутнице и шепнул:

– А вот теперь пора!

– Что же? – удивилась она.

– Похищать вас, – сказал он и увлек ее за собой в зимний сад.

Через огромные окна лился яркий лунный свет, придававший всем предметам фантазмагорические очертания. Экзотические растения затеяли на стенах постановку театра теней. А Мифэнви, в платье цвета шампанского и с крохотной короной на голове, сияла только для него.

Пол обнял ее и, глядя в прекрасные сияющие глаза, начал:

– Пока я не встретил вас, Мифэнви, я не верил, что можно влюбиться с первого взгляда. . .

– Глупый! Молчи! – перебила она и, приподнявшись на мысочки, поцеловала его. Неумело. Быстро. Но то был восхитительный поцелуй.

Графство Нортамберленд, замок Глоум-Хилл, 1878 год

Мифэнви проснулась и по-детски, кулачком, потерла глаза. Она не помнила, когда перебралась на кровать, и как уснула, и почему укрыта одеялом. Наверняка Колдер заходил ее проведать. Сколько бы он ни говорил, что ему все равно, в каких она будет условиях, сам же первый кинется проверять, все ли у нее хорошо.

Ах, Колдер. . .

Нужно скорее вставать, пока Колдер и Латоя не встретились и не полетели искры.

Мифэнви вызвала служанку и распорядилась доставить из кухни горячей воды. Немного позже, приведя себя в порядок, она спустилась в столовую, чтобы велеть накрывать ужин.

Латоя уже была там, на этот раз она облачилась в вызывающе лиловое платье и прошагивала, по-хозяйски заглядывая в каждый уголок.

– А здесь мило! Я-то думала, что ваш Глоум-Хилл – как гроб, весь в красном бархате. А тут уютненько. И салфетки – шарман-шарман, как говорит моя маман. Тончайшие! Скажешь потом, откуда такие?

Мифэнви растерялась, оглушенная таким градом слов.

– Я уже говорила тебе, что Глоум-Хилл изменился. А салфетки... Я связала их сама... Меня тетушка научила. Она когда-то жила в Брабанте...

– Это же сколько нужно терпения! – воскликнула Латоя.

– Вдовство отлично учит многим добродетелям, – спокойно парировала Мифэнви.

Вошла повариха, и женщины погрузились в обсуждение вечернего меню.

Круглая комната-подиум, которую Мифэнви для себя прозвала рояльной, примыкала к столовой. И сейчас Латоя добралась до инструмента и стала терзать его. Каждый неверный звук резал тонкий слух леди Грэнвилл, как крик о помощи. Она морщилась и все время извинялась перед поварихой Ханной за свою растерянность. Наконец, попросив Ханну не забыть о пудинге с персиковыми цукатами, она поспешила на выручку роялю.

– Ну что же ты как маленькая! – несмотря на мягкий характер, Мифэнви порой бывала очень строгой. – Разве можно садиться за инструмент, не умея играть!

– Неужели правда? – искренне удивилась Латоя. – А маман всегда говорила, что я довольно сносно тренькаю.

– Тренькаете вы совершенно несносно! – заметил подошедший Колдер.

– Какой ты грубый, кузен! – обиделась она. – Я, между прочим, играла для гостей на семейных вечерах.

Колдер и Мифэнви переглянулись, дружно закатив глаза.

– Мне искренне жаль гостей, – громким шепотом произнес Колдер, беря Мифэнви под локоток и наклоняясь к ней. Она лукаво улыбнулась ему.

Латоя разозлилась еще больше:

– А вот если вы оба такие умные, то возьмите и сыграйте! А я послушаю, как надо!

Мифэнви покачала головой:

– Прости, но я не могу... Говорила тебе уже...

– Тогда, может, ты, Колди? – Латоя воззрилась на него почти умоляюще.

– И правда, Колдер, я ведь ни разу не слышала, как вы играете. Прошу вас, для меня, – ласково попросила Мифэнви, касаясь его руки. Прикосновение было легким, как полет бабочки, но его оказалось достаточно, чтобы мужчина вздрогнул и бросил на просительницу печальный затравленный взгляд.

– Хорошо, – согласился он, – что бы вы хотели услышать?

Мифэнви чуть прикрыла глаза, погружаясь в воспоминания о том времени, когда музыка наполняла каждый ее день. Сейчас звуки каскадом обрушились на нее: пьянили, очаровывали, уносили... Словно старые друзья, что нагрянули после долгой разлуки, мелодии загомонили все разом, и у Мифэнви голова пошла кругом от этой какофонии.

– Не могу определиться, – грустно улыбнулась она, – так давно ничего не играла и не слушала... Выберите вы.

Колдер кивнул, сел к роялю, прикрыл глаза, задумавшись, а потом его тонкие чуткие пальцы коснулись клавиш. «Лунная соната» влилась в тишину вечернего замка глотком свежего воздуха.

Мифэнви плакала, как плачут, встретив кого-то дорогого, из тех, кого уже и не чаяли повстречать.

И даже Латоя притихла, замороженная красотой исполняемого произведения.

Едва последний звук растаял в воздухе, как Мифэнви, будто вынырнув из ночной реки, обновленная и переполненная, кинулась к деверю.

– Колдер, вы невероятно играете! Как вы смели три года мучить меня беззвучием?! Никогда так больше не делайте! – лепетала она, тряся его за руку.

И Колдер, глядя в эти бездонные чистые глаза, поклялся играть каждый вечер.

Как раз подали ужин, и все они, взволнованные и радостные, вдруг помолодевшие, болтая о всяких пустяках, двинулись к столу. Колдер отодвинул стул и помог сесть Мифэнви, Латоя же уселась сама. И они говорили, говорили: о погоде и политике, о светских скандалах и философии. Где-то Латоя была заводилой, где-то лишь наблюдала, открыв рот, как хозяева замка перебрасываются цитатами из классиков, с легкостью переходя при надобности то на латынь, то на греческий, то на французский.

– Кстати, – словно опомнился Колдер, – когда вы, дражайшая кузина, появились здесь, вы сказали Мэрион, что вас нужно срочно спасти? Что стряслось?

– Эх, Колди, как я могу доверить тебе тайну моего сердца, когда ты все время такой официальный?! – сказала она, полушутя-полугрустно.

– Доверься мне, – Мифэнви покровительственно накрыла ее ладонь своей.

– При всем уважении, Мейв, ты вряд ли сможешь мне помочь.

– Ну что ж, тогда поведайте нам обоим! Две головы все-таки лучше, – подбодрил ее Колдер.

И Латоя вдруг посерьезнела и погрузилась. Несколько раз ковырнув салат вилкой, она вздохнула и решила:

– Все дело в том, что я оказалась в центре скандала.

И затихла.

Мифэнви нежно пожала ей руку.

– Ох, бедняжка! Так что же случилось? Тебя соблазнили и бросили?

Латоя мотнула головой.

– О, Мейв, дорогая, все гораздо-гораздо хуже! Я пожелала быть соблазненной: проиграла пари.

Повисла пауза.

Колдер сидел мрачный и в неровных отблесках свечей казался бледнее обычного.

– Странный спор! – наконец проговорил он холодно. – Тем более, как я понимаю, заключался он между леди и джентльменом?

– Верно, я заключила пари с графом Джоэлом Макалистером, он известный пройдоха и светский лев, и все матери держат своих дочерей подальше от него... Но маман... Он совершенно сбил ее с толку. Она так доверяла ему. А обо мне и говорить нечего – я захотела его сразу, как увидела.

От этих подробностей Мифэнви залилась краской, а Колдер с трудом сдерживал ярость.

– И что же, нынче весь лондонский свет так изъясняется? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Нет, но мы с маман всегда называли вещи своими именами. С тех пор как восемь лет назад умер отец, пусть земля ему будет пухом, маман перестала меня воспитывать.

– Это было крайне неосмотрительно с ее стороны, учитывая количество и размеры розовых слонов, что живут в вашей голове, – заметил Колдер, покрутив бокал.

– Уж как есть, – вздохнула Латоя, – ну, в общем, мы поспорили на ночь любви, и я проиграла.

– И... этот джентльмен... он что... попросил у тебя... оплату долга? – дрожащим голосом промолвила Мифэнви. Подобные легкомыслие и безнравственность просто не укладывались у нее в голове.

– Да, и я расплатилась сполна, – уткнувшись взглядом в стол, пробормотала Латоя.

Мифэнви тихо вскрикнула и лишилась чувств.

Колдер тут же подскочил к ней, подхватывая и укладывая на кушетку, что стояла неподалеку.

– Ну что ты стоишь столбом! – заорал он на незадачливую рассказчицу, словно та была служанкой. – Открой окно и подай соли, ты же наверняка их носишь с собой!

Латоя, потрясенная степенью невинности своей вновь обретенной кухни, тут же бросилась выполнять его приказы.

Постепенно Мифэнви пришла в себя, поднялась и села, тихонько поблагодарив близких за участие.

А Колдер, стоявший рядом на коленях и все еще легонько придерживавший ее за талию, обрушил на Латою накопившийся гнев:

– И как ты после такого посмела явиться сюда?!

– Ах, Колди, я была в отчаянии. Нас с маман везде перестали принимать, потому что подлец Макалистер все рассвистел. Невозможно даже было высунуться на улицу – в меня едва не пальцами тыкали... Ах... – и закрыв лицо руками, она разрыдалась.

Мифэнви патологически не могла видеть плачущих людей, особенно женщин. Еще пошатываясь после недавнего обморока, она все-таки встала, подошла к Латою и обняла ее за плечи:

– Не плачь, мы что-нибудь придумаем, – заботливо проговорила она.

– Нет, – решительно замотала головой Латоя, – тут уже ничего не придумаешь. Все погибло.

– Ты хоть понимаешь, – Колдера трясло от ярости, – что из-за паршивой овцы вроде тебя позор ляжет на весь род Грэнвиллов?

О реальных последствиях он старался даже не думать: нужно было быть святой, как Мифэнви, чтобы, живя под одной крышей с одиноким молодым мужчиной, не навлечь на себя сплетен и кривотолков. Ему хотелось схватить эту грязную мерзавку за волосы и выставить вон, прямо вот так, в ночь.

– Теперь-то я понимаю... – печально протянула Латоя, утыкаясь носом в худенькое, пахнущее корицей и ванилью плечо Мифэнви. Та лишь покрепче обняла кухню и погладила ее по спине.

– И надеюсь, ты осознаешь, что не можешь больше оставаться здесь ни минуты, – решительно сказал хозяин Глоум-Хилла. – Я позову дворецкого, попрошу, чтобы он сопроводил тебя к подъемнику и помог найти экипаж.

– О нет! – она рванулась из объятий Мифэнви и бухнулась на колени перед Колдером. – Кузен, прошу, умоляю, не прогоняй меня! Мне некуда идти! Даже родная мать теперь не хочет меня видеть! Прошу!

Мифэнви, взволнованная и потрясенная, была в шаге от того, чтобы последовать ее примеру.

– Колдер, я тоже прошу вас, не прогоняйте бедняжку, – испуганно пролепетала она, готовая принять на себя всю тяжесть его гнева.

Колдер глубоко вздохнул, ему требовалось прилагать нечеловеческие усилия, чтобы сохранять хладнокровие и не пнуть стоящую возле него на коленях белокурую женщину.

– Мифэнви, – сказал он как можно спокойнее, хотя сам звук ее имени уже лишил его почвы под ногами, – я тоже прошу вас проявить благоразумие. Если она останется – о вас же начнут тоже говорить черт-те что.

– Я не боюсь пересудов! – вскинув голову, проговорила леди Грэнвилл.

– А вот я боюсь! – прокричал лорд Грэнвилл. – И не допущу, чтобы ваше честное имя трепали по ветру из-за того, что эта... дрянь... перемазала вас своей грязью!

Латоя завывала и еще сильнее вцепилась в его колени.

– Колдер, не злитесь... Есть возможность все уладить, – почти радостно проговорила Мифэнви, – письмо бабушки, вы забыли, я могу уехать... Слухи в нашу глушь доходят медленно – поэтому никто и не узнает, была ли я здесь в день прибытия Латои или нет.

Колдеру в ее словах чудилось прощание и хотелось самому ползти за ней на коленях, выть и умолять остаться... Но он понимал, что сейчас это единственный выход.

– Но тогда вам придется уехать насовсем, – упавшим голосом произнес он.

– Что вы, здесь же могила Пола! Я обязательно буду ее навещать!

– Пол похоронен внизу, на церковном кладбище. Вам незачем будет подниматься в Глоум-Хилл.

Голос его звучал все глуше. Латоя по-прежнему не отпускала.

– Я ведь буду знать, что здесь меня ждет дорогой друг...

Латоя вдруг вскочила, словно напрочь забыв о недавней сцене, и воскликнула:

– Все можно решить куда проще. И тогда Мейв не придется уезжать навсегда.

– Меня пугают твои простые решения, – честно сказал Колдер.

– Не бойся, Колди, ты просто должен жениться на мне...

Мир дрогнул и разлетелся на мириады осколков...

Глава 4. Пухом ангельских крыл...

Лондон, Хэмпстед, 1878 год

Через полтора часа Джози Торндайк спустилась в холл. На ней было элегантно-кремовое платье, оттененное нежно-розовым кружевом, изящная шляпка с розанами и перьями и светлые перчатки. В руках она сжимала изящный ридикюль, расшитый драгоценным бисером. Турнюр и шлейф делали ее похожей на паву, сложившую свой роскошный хвост. Она остановилась на нижних ступеньках лестницы, опираясь на перила и чуть изогнувшись в талии.

Ричард замер, в который уж раз замороженный утонченной красотой и грациозностью своей жены. Несколько секунд он любовался ею, затем подошел, обнял за талию и приник к ее губам. Как всегда, он целовал ее властно и дерзко, исследуя языком каждый уголок ее рта. Джози прикрыла глаза, и густые тени от длинных ресниц заплясали на ее щеках. Она положила ладошки на плечи Ричарду и переживала о том, чтобы в своем порыве он не измял платье и не испортил прическу.

Наконец он оторвался от сладостного плена ее губ, и Джози встретила с его сияющим взглядом: сейчас, когда она стояла на ступеньках, их лица были на одном уровне. Очки в тонкой серебряной оправе придавали его взгляду невинность, а ресницы добавляли лучистости. И Джози, к своему удивлению, почувствовала легкое головокружение, утопая в невозможной синеве этих глаз. Она даже покачнулась, и ему пришлось подхватить ее.

– Однажды, – прошептал он ей на ушко, бережно, как фарфоровую статуэтку, опуская на пол, – я окончательно сойду с ума от вашей красоты... И что вы тогда будете делать со мной?

– Хм... – она демонстративно задумалась, приложив пальчик к губам, – скорее всего... тотчас же сдам в Бедлам. И попрошу, чтобы вас посадили на цепь как особо опасного.

Радость тут же сползла с его лица.

– Порой я нешуточно боюсь вас, любовь моя, – проговорил он, поспешно опуская глаза, чтобы она не уловила мелькнувшей в них муки.

Она фыркнула, как рассерженный котенок:

– Могли бы и похвалить меня! Ведь я ответила вам в вашей любимой манере, когда не поймешь – смеетесь вы или всерьез!

– Вот уж воистину убийственный сарказм! – с этими словами он взял ее за руку и повел к двери.

На улице люди оглядывались им вслед и перешептывались. Виданное ли дело – прилюдно держаться за руки! Джози злилась: вечно он позорит ее! Почему нельзя вести себя как все! Неужели он не понимает?! Сказано, не светский и не джентльмен!

Хорошо хоть, лавка, куда он ее вел, оказалась лишь в паре кварталов от их дома. Она располагалась в цокольном этаже одного из особняков Хэмпстеда и почти не бросалась в глаза из-за плюща, что живописно раскинулся по стене.

– Прошу вас, миледи, – Ричард открыл дверь и пропустил Джози вперед, слегка поклонившись.

После яркого света дня полумрак лавки заставил Джози потерять глаза. Оглушенная тишиной, она почувствовала, как муж аккуратно притворил за собой дверь, потом, подойдя сзади, обвил рукой ее тонкий стан.

К ним навстречу тотчас же выскочил владелец лавки, представившийся Гастоном Ленуа. Месье Ленуа был мал ростом и худ, как жердь, а оставшиеся волосы смешно топорщились вокруг яйцеподобной лысины.

– О, богиня удачи сегодня благоволит ко мне, раз в мою скромную обитель залетела столько редкая пташка, – проговорил он, расшаркиваясь. Джози протянула ему свою изящную ладошку, и француз, склонившись, дерзко поцеловал ее чуть выше линии перчатки. Джози

вспыхнула, Ричард недобро прищурился. – Мадам, прошу простить меня, но ваша красота напрочь лишает мужчин здравого смысла, ваш супруг не даст соврать.

– Прекрати паясничать, Ленуа, – холодно произнес Торндайк, с явной неохотой отпуская жену. – Мы к тебе по делу.

– Ну так что же вы стоите в дверях! Проходите, я всегда рад таким гостям! – Ленуа поклонился, приглашая их внутрь.

Джози никогда не посещала подобные лавки, поэтому сейчас рассматривала предметы с детской восторженностью.

– На прошлой неделе ты говорил мне, что тебе привезли пишущую машинку. Ты еще хвалился, что это уникальный экземпляр, сделанный под заказ?

– Верно, дивная вещица. Настоящее произведение искусства, если таковым может быть механизм, – в Ленуа проснулся торговец. – Ты наконец-то решил обзавестись? А то писать монографии от руки не комильфо.

– Я покупаю машинку для миссис Торндайк, она хочет начать карьеру писательницы, – слегка перегибаясь через витрину, громким шепотом произнес Ричард.

Джози слушала его вполуха, поглощенная созерцанием всевозможных вещиц. Назначения некоторых из них она и представить себе не могла.

Любопытствовать приобретаемым предметом она не стала, полностью доверившись в этом плане Ричарду. К собственному изумлению, вниманием ее завладели стеллажи с книгами, занимавшие добрую часть лавки. Она обошла один из них и вытащила с полки книгу.

В это время дверной колокольчик известил о том, что явились новые покупатели. И тут Джози оценила выгоду своего положения: сквозь полки ей отлично был виден весь торговый зал, в то время как она, благодаря своей миниатюрности, оставалась совершенно невидимой.

Вошли две дамы. Судя по глухим темным платьям, унылым пучкам и постным физиономиям, они, определила Джози, принадлежали к презираемому ею разряду старых дев и наверняка зарабатывали себе на жизнь, вбивая грамоту в головы каких-нибудь богатеньких недорослей.

Джози быстро потеряла интерес к вошедшим, куда больше ее занимала книга, которую она держала в руках. Надпись на обложке была на каком-то неизвестном языке, зато, судя по боковому обрезу, в книге имелись картинки. Джози быстро открыла одну из них и густо залилась краской – иллюстрация поражала фривольностью: обнаженные женщина и мужчина сливались в любовном экстазе. Партнер схватил свою любовницу за локти и брал сзади. Женщина прогнулась в спине. Мужчина выставил одну ногу вперед, прижав бедро женщины, и наверняка погружался в нее до предела, судя по тому, что рот партнерши был раскрыт в безмолвном крике. У Джози перехватило дыхание, щеки ее запылали, а одежда вдруг стала тесной. Она прекрасно понимала, что благовоспитанная леди должна лишиться чувств при виде столь откровенной сцены. Следовало немедленно захлопнуть книгу и убрать ее подальше, но Джози не могла оторвать взгляда от этой картинки, страстно желая оказаться на месте женщины. Так же прогнуться и почувствовать глубоко внутри себя внушительный член мужа... Через проем в полках она бросила взгляд на Ричарда. Он стоял, свободно опершись о выступ витрины, и о чем-то беседовал с Ленуа.

И тут только она услышала приглушенный разговор – беседовали те самые дамы, что давеча зашли в лавку...

– Фанни, душа моя, – говорила та, что постарше, той, что помоложе, хотя, на взгляд Джози, обе они были стары и невзрачны, – ты заметила, какой импозантный джентльмен общается с месье Ленуа?

– О да, – протянула Фанни, закатывая глаза и делаясь еще отвратительнее. – И рост! И стать! И даже очки!

– В нем есть некая скрытая сила...

– Да, и будоражащий призыв...

Джози в ярости с шумом захлопнула книгу, заставив дам вздрогнуть, поставила ее на место и, важно прошествовав через зал, взяла Ричарда под руку. Затем обернулась туда, где в изумлении застыли ее нечаянные соперницы, и победно улыбнулась.

– Что-то случилось, ангел мой? – поинтересовался немного обеспокоенный таким поведением жены Ричард.

– Я соскучилась, – тут же состроила недовольную рожицу Джози.

– Сейчас уже идем домой, – сказал он, расплачиваясь и подхватывая саквояж с пишушей машинкой.

Уже у порога он неожиданно остановился, заметив на одной из полок ворох старых атласов.

– Это продается? – полюбопытствовал он.

– Что ты! – замахал руками Ленуа. – Это старые пиратские карты. Я их давно купил у какого-то чудака за пенни. Сушая ветошь!

– Так я могу их забрать?

– Ну разумеется! – обрадовался торговец.

Ричард быстро пробежал взглядом по параллелям и меридианам. Чему-то улыбнулся. Свернул карты в тугой рулон и засунул за ремни саквояжа. И лишь после этого вежливо раскланялся, приподняв светлый цилиндр, и, взяв свое приобретение в одну руку, а другой сжав ладошку Джози, вышел с ней на улицу.

Был приятный сентябрьский день, светило солнце и дул свежий, но еще по-летнему теплый ветерок, но Джози поежилась. Все недавно увиденное и случившееся, заставило ее тело гореть. Близость мужа и этот невинный, но очень интимный жест, когда одна рука покоится в другой, несказанно волновали ее.

Они отошли от лавки Ленуа лишь на несколько ярдов, когда Ричард остановился и, поставив свои покупки наземь, наклонился к жене.

– Джози, вы сейчас так волнующе очаровательны и излучаете такую страсть, что у меня едва хватает самоконтроля, дабы не сотворить с вами нечто возмутительное прямо на улице... Так что же все-таки стряслось?

От его бархатного голоса по ее телу пробежала дрожь. Она чуть было не воскликнула: «О, мой господин! Возьмите меня! Делайте со мной все, что вы пожелаете!» – но ей удалось перевести дыхание и удержаться от падения в бездну.

Не поцеловать ее сейчас казалось ему преступлением. Кровь стучала в висках. Она хотела его, он видел это: откровенное желание стояло сейчас в ее глазах, губки соблазнительно приоткрылись. Ричарду пришлось сжать кулаки и стиснуть зубы, потому что от такой иронии судьбы хотелось выть. Как бы он был счастлив, случись это дома. Лишь мысль о том, что всякий неблагоприятный, необдуманный поступок сейчас может рикошетом ударить по репутации любимой, отрезвила его.

– Джози, ангел мой, – сдавленно проговорил он, – идемте...

Она кивнула и сама взяла его за руку. Ричард нежно улыбнулся ей.

– Итак, – начал он игриво, – что же столь сильно распалило вас?

Она слегка надулась, злясь, что он стал свидетелем ее постыдной слабости. А он нагло, самодовольно ухмылялся, явно ликуя.

– Там, в лавке... две леди... Они пялились на вас... – выговорила наконец Джози.

Ричард улыбнулся еще шире. В синих глазах заплясали бесенята.

– Да вы ревнуете!

– Не дождетесь!

– Вот как? Но если леди интересуются мной, может, для меня еще не все потеряно?

– Фр-р... Вы по-прежнему остаетесь занудой, очкариком и зайкой...

– Значит, без шансов?

– А вы надеялись?

– О, что вы! И думать не смел.

– Неужели вы правда не заметили тех леди? – Джози подняла личико, чтобы поймать его взгляд, который сиял и лучился преисполненный обожания.

– Джози, с того дня, как два года назад я увидел вас в кабинете вашего батюшки, все другие женщины для меня перестали существовать... – его голос слегка дрожал от переизбытка чувств.

Она хмыкнула:

– Вот уж не могла представить такую несерьезность в голове у такого книжного червя, как вы.

– И что же, по-вашему, должно быть у меня в голове?

Она выпалила тут же, должно быть, рисуя давно продуманную картину:

– Много-много крохотных Ричардов. Все заучки и в очках. Сидят там и читают, читают, читают...

– Ангел мой, – восторженно проговорил он, обнимая ее за талию и привлекая к себе, – это же новое слово в анатомии человека! Вас будут цитировать поколения!

Дальше они шли, обнявшись и совершенно игнорируя косые взгляды прохожих. Обоим было весело как никогда.

Дома их ожидал сюрприз в лице миссис Ребекки Крейн. Молодая женщина, давняя подруга Джози, была явно очень взволнована.

Раскланявшись с дамами, Ричард ушел в кабинет, а Джози увела Ребекку в малую гостиную, где обычно накрывали чай. Это была уютная комната, обитая голубым шелком с нежными розанами, обставленная легкой, светлого дерева мебелью. В нишах стояли цветы в белых с голубым вазах. А на окнах красовались бархатные гардины, отороченные золотой бахромой.

Здесь, сняв шляпку, стянув перчатки и отшвырнув их на этажерку, Джози принялась радостно расцеловывать подругу.

– Бекки, Бекки, как же я рада тебя видеть! Я здесь просто погибаю от тоски! Кто бы знал, что замужество такое скучное предприятие!

Ребекка устроилась рядом с ней на диванчике, взяла давнюю приятельницу за руки и, закатив глаза, произнесла самым интригующим тоном, на который была способна:

– Тогда мне есть чем развеселить тебя! Ты помнишь Латою Грэнвилл?

Прелестное личико Джози исказило мстительное выражение.

– Еще бы! Она все время пыталась оспорить у меня титул первой красавицы, как такое можно забыть!

– Так вот, – Ребекка перешла на совсем уж шпионский шепот, – недавно она громко оскандалилась! Только представь: не будучи замужем, она провела ночь с мужчиной! И с кем! С самим Джоэлом Макалистером! Теперь ее и ее матушку не пустят ни в один приличный дом!

– О! – расстроено протянула Джози. – Но почему, почему меня не было, когда герцогиня Норфолк захлопывала дверь перед ее блондинистым носом?! – на личике миссис Торндайк отразилась крайняя степень отчаяния.

– Неужто тебе ее совсем не жаль? – с притворной участливостью поинтересовалась Ребекка.

– Вот еще! – взвилась Джози. – Она как-то даже увела у меня одного из моих кавалеров. То ли виконта Денвери, то ли графа Драммонда, уже и не помню. Но зла на нее до сих пор!

– Сказать по-честному, так у нее никогда не было шансов против тебя, – елейным тоном заметила Ребекка, которая крайне гордилась тем, что дружна с особой, у прелестных ножек которой лежала половина лондонского света.

– Ах, ну конечно, где ей было тягаться со мной! – решительно произнесла та. – Не стану спорить, природа одарила ее несколько щедрее меня, – Джози покосилась на свою грудь, не большую и не маленькую, а ровно такую, чтобы она уютно помещалась в ладони Ричарда, – и да, она – блондинка. Но зато – а это мне известно от Клодин, а той – от самой горничной Грэнвиллов, а уж та точно врать не станет – волосы у нее – едва чуть ниже плеч, в то время как мои всегда ниспадали до бедер, а сейчас – и того длиннее! И еще – я всегда собирала сливки, а ей доставалась пахта!

В конце этой страстной тирады, когда Джози только набрала воздуха для дальнейших возмущений, вошел Ричард с чайным подносом в руках.

– Простите меня, прекрасные леди, что прерываю ваш столь бурный и весьма душеполезный разговор, – сплетни он не выносил органически, – но я осмелился взять на себя труд принести вам чаю.

И со сноровкой заправской горничной он начал сервировать стол. Джози такое поведение мужа нисколько не удивило, а вот Ребекка была явно заинтригована, о чем и сказала прямо.

– Безусловно, – охотно согласился он, бросив чуть насмешливый взгляд на жену, – подавать чай – обязанность хозяйки, но, видите ли, дорогая миссис Крейн, Джози полагает, что чай уже изначально находится в чашке. Этаким концепт. И пока лучшие умы человечества бьются над разгадкой этого парадокса, чай в этом доме разливаю я.

Сказав это, он передал чашечку – один палец от края, три ложечки сахара и сливки – своей супруге, коснувшись при этом ее руки. Другую чашку поставил перед Ребеккой, раскланялся, поцеловал Джози в шейку, чуть более страстно, чем следовало в присутствии посторонней, и удалился.

Ребекка проморгалась.

– Что это сейчас было? И что он сейчас сказал?

– Ах, не спрашивай!

– Послушай, я все хотела узнать, как тебя угораздило выйти за него замуж? Его же не было в твоей свите?

– Да, получилось все так спонтанно и нелепо. Это случилось в твой последний сезон, ты как раз вышла замуж, поэтому немного выпала из событий... Так вот, тогда целых пятеро джентльменов добивались моей руки, и заметь – все аристократы! А я уже склонялась к тому, чтобы сбежать с Альбертом Эршо, как тут батюшка позвал меня и сказал, что у него серьезный разговор ко мне. Ты же знаешь, родители обожали меня – я ведь последняя и самая желанная дочь! Меня баловали, холили и лелеяли. Отец никогда не давил на меня, и тут вдруг – разговор! В кабинете! Я тогда очень испугалась, что открылся наш с Альбертом план, и готовилась, честно сказать, к отменной трепке. Но вместо этого отец расцеловал меня, сделал мне комплимент и сказал, что сегодня некий молодой человек просил моей руки. Я захлопала в ладоши и стала перечислять ухажеров, но батюшка все качал головой, еще больше раззадоривая меня. «Так кто же он?!» – вскричала я тогда, а отец мне сказал, что я вряд ли помню его, хотя он и приходил несколько раз в наш дом. Представь мое разочарование!

– Ну почему же?! Я бы на твоём месте радовалась: тайный поклонник настолько влюблен, что просит руки у отца, который души не чает в своем дитяти!

Ребекка отправила в рот несколько цукатов и запила чаем.

– Вот, я тоже потом так решила. Поэтому батюшка уговорил меня выслушать его и не отказывать сразу. И я согласилась. Меня снедало любопытство. Я немедленно написала Альберту, что разлюбила его и передумала с ним бежать, конечно, я разбила ему сердце, но в то время я была настолько заинтригована, что думать ни о чем не могла, кроме того претендента на мою руку. И вот день настал! Сколько я представляла это себе! Каким его рисовала! И тут... входит некто... настолько нелепый, что я даже не поняла сначала, кто он. Единственное, что я отметила, это незнакомец был довольно высокий, а ты же знаешь, у меня слабость к высо-

ким. А в остальном это было что-то несурзное – очки, руки дрожат, заикается... Я не сразу разобрала, что он говорит, а когда все-таки вникла, чуть не заревела от досады. Должно быть, он заметил, что у меня в глазах блестят слезы, потому что упал на колени и стал умолять не прогнать его тотчас же и еще что-то, что я не разобрала из-за совсем уж ужасного заикания. В общем, он был настолько жалок, что я согласилась стать его невестой, только бы прекратить этот спектакль. Тогда он схватил мою руку – только вообрази себе такую дерзость! – и стал осыпать поцелуями, а потом и вовсе перевернул и начал целовать запястье. Меня просто ошеломила его бестактность, я отняла руку, сказала, что хотела бы кольцо с бриллиантом в качестве доказательства любви, и ушла поскорее, чтобы не видеть его... Проплакала всю ночь, а наутро стала наводить справки. И тут на меня свалилось новое открытие – оказывается, он сирота без роду-племени, которого из милости приютил некий влиятельный господин... За мной бегали маркизы и графы, а тут – никто!

– Я поражена! Как твой отец – лорд Эддингтон, состоящий в родстве с королевской семьей, – мог отдать тебя за безродного?! – глаза Ребекки стали совсем круглыми.

– Вот! Я тоже задала батюшке такой вопрос! Мезальянс! Я уже слышала, что обо мне говорят в обществе! Но батюшка сказал, что этот человек сумеет позаботиться обо мне, мол, сейчас он довольно обеспеченный, имеет особняк в Хэмпстеде, что он молодой ученый, подающий большие надежды! И, мол, я еще юна и не вижу своего счастья. А потом – он, этот жених, опозорил меня!

– О, какие ужасные вещи ты говоришь! – вскричала Ребекка, пододвигаясь ближе.

– Еще ужаснее было это пережить. Я была на пикнике и даже вовлечена во флирт, и тут заявляется он, прямо перед всеми становится на колени и протягивает мне коробочку с кольцом. Я даже потеряла дар речи от его бесцеремонности. Он надел мне на палец кольцо, снова поцеловал в запястье и, слава БОГУ, ушел. Правда, мне тоже пришлось позвать компаньонку, мисс Милд, и уехать, потому что все стали отодвигаться от меня и шушукаться. Ах, это было невыносимо. Зато даже не пришлось оглашать помолвку – она и без того огласилась, и весьма широко. Но судьба готовила мне еще более страшные испытания.

– О боже! – Ребекка порывисто сжала руку Джози.

– Да, после того случая он исчез. Потом я узнала, что он уехал в какую-то экспедицию. Он писал мне, конечно же, неприлично часто, но я была обижена и сжигала все его письма. Его не было долго, целый год, и постепенно все улеглось, я снова стала блистать в свете. Мне исполнилось девятнадцать, и я была на пике. Правда, все это было ненастоящее. Ведь все знали, что я помолвлена. Некоторые злопыхатели называли меня соломенной невестой. Представь, ни тебе ухаживаний со стороны жениха, ни нормального флирта! Вот тогда-то мои кавалеры и стали убегать к этой Грэнвилл! А потом он свалился мне на голову прямо во время бала по случаю дня рождения моей кузины Лойс. Ага, небритый, в пыли и каких-то жутких тряпках, с кучей непонятных и ненужных мне сувениров. Тогда я впервые расплакалась перед ним и сказала: «До каких пор вы будете меня унижать?» Он, кажется, даже не понял, о чем речь, хотя извинился, и с тех пор стал предупреждать о визитах и всегда выглядел безупречно. Он стал чаще бывать у нас. И родители, уж не знаю почему, были им очарованы. Мама даже называла меня счастливицей. Только вот я себя совсем не чувствовала счастливой. Когда нас оставляли наедине, чтобы мы познакомились поближе, я совсем терялась. Я не знала, о чем с ним говорить. Меня бесили его очки и то, что он заикается. Я все время вопрошала Бога: за что? Назначили день свадьбы, я так готовилась и ждала, ведь это был последний мой шанс показаться во всей красе...

– Ну разумеется, ведь это случается один раз в жизни! Свадьба – главное для девушки! – авторитетно заявила Ребекка.

– Вот именно! И он испортил мне его! Такой день!

– Не может быть!

– Уж поверь!

– Но разве твоя свадьба не была верхом роскоши и изящества? О, не скромничай! Я помню, как все говорили, что твое платье было самым красивым за последние пятьдесят лет, а ты походила на фею!

– Ах, Бекки, будь со мной рядом другой мужчина – может быть, я бы и не говорила так. Но случилось то, что случилось. Сразу, как только отец провел меня по проходу в церкви и вложил мою руку в его, Ричард переплел наши пальцы, и мы простояли так до конца церемонии. А потом, когда священник сказал, что можно поцеловать невесту, Ричард поднял мою вуаль и поцеловал меня, но вовсе не так, как следует целовать невесту. Он целовал меня, будто я уже взрослая женщина, а между тем это был мой первый в жизни поцелуй.

– Не может быть! Ты же была так популярна! С самого первого своего сезона! Неужели ты не целовалась ни с кем?

– Нет! Мне нравилось, чтобы мужчины ползали за мной, умоляли одарить взглядом. Максимум – разрешалось целовать ручку. Ну, или во время танца шептать мне на ушко глупости. Свой поцелуй я хотела отдать тому, кого люблю всей душой. И тут его срывает почти незнакомец, неприятный мне, и делает это бесцеремонно и грубо. Я разрыдалась прямо там, так он подхватил меня на руки и пронес до самого экипажа. И мама с папой все это видели и почему-то ничего не сказали ему. В экипаже он пытался меня утешить, но я не хотела с ним говорить. О, я была так несчастна!

– Бедняжка! Мыслимо ли так страдать?

– Это только начало. Крепись, моя дорогая Ребекка, ибо нынче тебе предстоит узнать, как обманчив бывает фасад! – торжественно провозгласила Джози. – Я поведаю тебе, как умерла прекрасная Джозефин Эддингтон, королева трех лондонских сезонов!

– О господи! – Ребекка не на шутку испугалась слов подруги.

– Слушай! – лихорадочно блестя глазами, сказала Джози. – Когда начался прием, он немного притих, и я уже стала надеяться, что мои слезы подействовали на него. Но оказалось, все напрасно. Он мне прямо сказал, что я не должна танцевать ни с кем, кроме него. Я заявила: вот еще! А он сказал, что запрещает, потому что теперь я его жена. Правда, слабым утешением мне стало то, что сам он танцевал умопомрачительно. А главное, когда он меня обнимал, то в его объятии соединялись сила и нежность. Это было неподражаемо и страшно бесило. Но все вокруг поздравляли меня, говорили, как я хороша, и я утешилась. А потом матушка увела меня в пустую комнату и рассказала мне, что должно произойти со мной ночью. Она сказала мне тогда, что будет больно, но надо будет немного потерпеть, и потом будет хорошо. И что, мол, Ричард так любит меня и не допустит, чтобы я страдала! Потом она ушла, а за мной пришли служанки и проводили в комнату. Это оказалась спальня. Они хотели меня раздеть, но я накричала на них, и они ушли. Я плакала. Мне было страшно, я не хотела, чтобы он меня касался, а особенно так, как рассказывала мама. Но он пришел. У него снова дрожали руки и голос. Он хотел меня поцеловать, но я влепила ему пощечину и сорвалась. Уж тут-то я высказала ему все: как он мне противен, что я согласилась стать его женой из жалости, и прочее. Наверное, я говорила ужасные вещи, но тогда я думала лишь о том, как сделать ему побольнее. И уж не знаю, возможно, перешла какой-то предел, и тут... О, Бекки, мне до сих пор страшно об этом вспоминать. Он словно озверел. Разрезал мое драгоценное платье ножом для бумаги, что лежал на туалетном столике... Буквально содрал с меня остатки одежды... Оторвал шнурок от колокольчика для вызова слуг... и... – она задохнулась и закрыла лицо руками, ее трясло, но глаза оставались сухими, лишь болезненно поблескивали между тонкими пальцами.

Ребекка замерла, потрясенная услышанным.

Джози вздохнула, собралась с силами и продолжила:

– Он привязал меня к кровати и... вытворял со мной такие вещи, от одного знания которых приличная леди должна сгореть со стыда. Ни мои крики, ни мои слезы на него не действовали... Более того, распяляли еще больше... Но самое ужасное не это! В какой-то момент мне начало доставлять удовольствие то, что он делает со мной. Это было очень яркое, какое-то извращенное удовольствие, но мне хотелось, чтобы оно не кончалось... Это было гадко, отвратительно и невыносимо сладко. Словно он сломал что-то во мне, и проснулось другое – нехорошее, стыдное...

Джози замолчала, переводя дыхание. Ребекка не знала, что ей делать: то ли обнять подругу, то ли расплакаться. Все, что она могла, лишь сжимать ее тоненькие пальчики.

– Прости, что рассказываю тебе это. Я так долго носила все в себе. Целых полгода! Я не могла рассказать никому – ни матери, ни сестрам, ни тем более любимому отцу! Они все уважают Ричарда! Да что там, они даже порой завидуют мне – мол, он с тебя пылинки сдувает! Но они просто не знают, какой он плохой! Какой темный! – она снова остановилась, замолчала, потом, сжав руку подруги, закончила: – Я проснулась утром, только шевельнулась, а на меня как полетят лепестки роз. И падают, и падают... Белые, красные, розовые... А я села, обхватила колени и плачу, потому что чувствую себя – уж извини за грубость! – последней шлюхой... И знаешь, с тех пор я не могу по-другому, я хочу этой боли! И чтобы меня связывали! И я сама провоцирую его на то, чтобы он был груб со мной! Ночами мне нравится быть продажной девкой, с которой можно творить все, что угодно. Я ненавижу себя за это, но еще сильнее я ненавижу его, что он сделал меня такой!

Часы в большой гостиной пробили десять, и Джози вздрогнула, словно очнувшись от кошмарного сна. Женщины поняли, что пора прощаться. Джози проводила подругу до двери и там порывисто обняла:

– Спасибо, что выслушала.

– Не за что!

Джози не жалела: она знала Ребекку с детства и до сих пор дорогая и старшая подруга ни разу не выдала ни одной ее тайны.

Распрощавшись с миссис Крейн, Джози поднялась в спальню: она у них с Ричардом была общая, а не у каждого своя, как полагалось. Там она позвонила в колокольчик и вызвала горничную, та помогла госпоже раздеться, и Джози с наслаждением погрузилась в теплую, пахнущую розами и лавандой воду. Она откинулась и прикрыла глаза. Руки заскользили по телу, касаясь сокровенных уголков. Вскоре она почувствовала другие касания – нежные и чувственные. Она повернулась, обняла Ричарда и стала страстно целовать его. Ее руки постепенно скользнули вниз по его груди и начали развязывать пояс его халата. Он ласково поймал ее ладони и отстранил. Выловил ее из воды, шепча что-то про прекрасную русалку, завернул в пушистое полотенце и понес на кровать. Бережно, словно хрустальную, опустил на шелк простыней и стал покрывать ее тело нежными, словно порхание мотылька, поцелуями.

Джози опомнилась не сразу, разнеженная утонченными ласками. Но потом остановила его. И глядя снизу в глаза, выражения которых ей было не прочесть из-за свечных бликов на его очках, сказала:

– Ричард, что вы делаете?

– Вообще-то я планирую заняться с вами любовью.

– И вы не станете меня привязывать? Не будете делать мне больно?

– Нет, сегодня – только нежность.

– Ах, Ричард, так нельзя. Вы – реальность, не смейте становиться мечтой.

Он отстранился, сел и горестно рассмеялся...

Глава 5. Твой безрадостный высохший сад

Графство Нортамберленд, замок Глоум-Хилл, 1875 год

– Постарайся ему понравиться.

Пол помог своей невесте выйти из экипажа. На Мифэнви был дорожный костюм из терракотовой тафты и изящная шляпка с вуалеткой. Выглядела она просто прелестно.

– Я – ему?

– Да, брат – вся моя семья. А я – его. Правда, скоро у меня будешь ты... Он слегка специфический, но в целом – самый замечательный старший брат на земле, как бы ни старался выглядеть бирюком. Он обязательно понравится тебе. Поэтому, я прошу, постарайся понравиться ему.

Пол говорил все это, увлекая ее вслед за собой по довольно-таки крутой тропинке. Мифэнви шла, глядя под ноги, поскольку весь путь был усеян мелкими камешками, которые так и норовили выскользнуть из-под каблучка. И, несмотря на то что Пол страховал ее, было несколько боязно. Наконец, когда они остановились на небольшой площадке, Мифэнви подняла голову вверх и только теперь рассмотрела Глоум-Хилл – мрачный и одинокий, замок будто нависал над этим миром, давил своей темной громадой.

– Разве у нас есть крылья, чтобы долететь туда? – сказала она.

– Крыльев у нас нет, но зато есть брат – гений инженерной мысли, – с этими словами Пол обнял ее одной рукой за талию, другой дернул какой-то невидимый доселе рычаг, и сверху что-то заскрежетало. – Смотри! – с истинно мальчишеским восторгом и гордостью проговорил он.

И Мифэнви с удивлением уставилась на этот своеобразный лифт.

– Похож на кухонный подъемник!

– Верно, – оживленно согласился Пол и помог ей забраться в него. – Теперь как можно крепче держись за меня и ни в коем случае не смотри вниз.

Она изо всех сил вцепилась в его серый дорожный сюртук, Пол обнял ее, будто укрывая от всех невзгод, взялся за шнурок, наподобие того, что используют для вызова слуг, кому-то позвонил, и агрегат медленно пополз вверх.

Чувство легкого трепета оттого, что ноги не ощущают твердой почвы, охватило Мифэнви. Было страшно и волнительно, как на сильно разогнавшихся качелях. И она лишь сильнее вжималась в тело своего спутника. Пол, крепко придерживая свою невесту, время от времени шептал ей что-нибудь успокоительное.

И вот лифт, вздрогнув последний раз, остановился.

Пол приоткрыл дверцу и помог Мифэнви выйти. Они оказались у ворот замка. Вблизи Глоум-Хилл производил еще более гнетущее впечатление. Казалось, эта громадина сейчас двинется и раздавит тебя. Мифэнви испуганно прижалась к Полу.

– Правда же, он великолепен! – юный Грэнвилл смотрел на свое родовое гнездо едва ли не влюбленно.

– Пугающе великолепен! – дрожащим голосом согласилась леди Лланруст. Ей, жительнице маленького городка, застроенного едва ли не сказочными домиками, была непонятна эта восторженность подобной мрачной мощью. – Кто построил его здесь?

– Не знаю. Может быть, король гоблинов или правитель драконов, – все с тем же мальчишечьим азартом отвечал Пол. – Я же говорил, что похищу тебя. Видишь, затащил в свой черный замок! Страшно? Интересно, сколько прекрасных принцесс зачухло здесь от тоски?!

– Ах, Пол, перестань! – зажмурилась она. – Что за глупости?! Даже я знаю, что гоблинов и драконов не бывает. А ты! Без пяти минут специалист по международному праву! Как ты можешь говорить такое?! Принцессы, черные замки – бред!

– А может, не такой уж и бред? – слегка замогильным тоном проговорил он. – Принцесса – есть, мрачный замок на скале – пожалуйста! Вдруг сейчас и король гоблинов появится?

В его глазах плясали задорные искорки, но Мифэнви не разделяла его радости. Картина вокруг и впрямь открывалась гнетущая – всюду, куда ни глянь, камни, пожухлый вереск да голые деревья с вороньими гнездами. А еще ветер, такой, что казалось, сейчас подхватит, закружит и унесет. И швырнет в бездонную пропасть, что зияла всего в нескольких футах.

Пол обнял ее за талию и притянул к себе:

– Не улетай, моя королева Мейв!

Дальше они пошли, взявшись за руки.

– Послушай, – наконец решилась она, – как твой брат живет в таком месте один? И как сюда поднимались раньше, когда не было лифта?

– Он не один, здесь есть и другие обитатели. Скоро ты их увидишь. А поднимались как? Раньше, еще когда я был совсем ребенком, здесь, чуть севернее, была тропа. Крутая, но вполне пригодная, правда, лошадь по ней бы не прошла. Но местные жители уже давно приспособили для этой цели коз.

– Коз?! – удивилась она. – Но где же они их выращивают?!

– С той стороны Глоум-Хилла, – Пол махнул рукой вперед, – долина. Очень живописная. Там деревенька. Мы обязательно ее посетим, тем более что в тамошней церкви нам предстоит венчаться!

При мысли о скором венчании и следующих за ним тихих радостях семейной жизни Мифэнви зарделась и нежно улыбнулась.

Пол взял ее ладошку и прижал к груди.

– Не могу дождаться того дня, когда ты станешь по-настоящему моей! – пылко воскликнул он, и его невеста смутилась еще больше. – Мейв, дорогая, давай прямо здесь, перед Глоум-Хиллом, поклянемся, что будем любить друг друга вечно, даже если смерть разлучит нас!

– Не надо, – мотнула головой она. – Не надо клясть! Потому что разве может быть иначе, если ты – моя судьба! – тихо, но уверенно проговорила она. А затем приподнялась на цыпочки и запечатлела на его губах поцелуй.

Они были счастливы тем абсолютным чистым счастьем, которое, будто в награду, снисходит на юные и невинные создания. Ей было семнадцать, Полу – двадцать, и жизнь искрилась вокруг них яркой радугой, несмотря на мрачный пейзаж.

– Пол, – робко спросила она, когда они наконец разжали объятия, – так что же, вы жили здесь вдвоем с самого детства?

– Да, – погрустнул он, – мать умерла, когда производила меня на свет. Отец разозлился и отправил нас с Колдером сюда. Колдеру тогда всего девять было. Отец редко нас навещал, а когда и приезжал, то почти с нами не разговаривал. И часто нас наказывал, особенно Колдера. Он, как старший, всегда брал вину на себя. И ему влетало! Бедный мой братик!

– Ой! – смутилась Мифэнви – Прости, что заставила все это вспомнить.

– Да ничего. – Он заправил ей за ушко выбившуюся из-под шляпки золотистую прядку. Он уже давно заметил, что ушки у нее чуть заострены на концах, как у эльфа. – Рано или поздно тебе нужно узнавать легенды замка Глоум-Хилл, в конце концов, скоро он станет частью твоей жизни.

Взявшись за руки, они подошли к воротам, и Пол постучал в дверь тяжелым молоточком в виде химеры. Смотровое окошко в калитке приоткрылось, оттуда высунулось радостное розовощекое лицо. Оно было настолько круглым и так плотно занимало все отверстие, что казалось, будто ничего больше, кроме этого лица, и нет.

– О! – возопило оно, увидев гостей. – Молодой господин! Что ж вы не предупредили! Сейчас, сейчас открою!

Лицо исчезло.

Пол обернулся к Мифэнви и сказал:

– Прости, надо было предупредить заранее – у нас не любят сюрпризов!

Мифэнви вздохнула.

Наконец калитка распахнулась, и молодые люди оказались в каменном мешке замкового дворика. Возле них кругами, словно радостный щенок, носился невысокий человек, которого Пол представил ей как дворецкого, Грэхэма Филдинга.

Мистер Филдинг расточал похвалы и комплименты невесте Пола, но провожать в дом, к вящему удивлению молодого хозяина, не спешил. Пока Пол пререкался с дворецким, Мифэнви стала осматривать двор. Создавалось впечатление, будто она очутилась в Средневековье. Картину усугубила появившаяся из-за стены старушка-нищенка. Всклоченные волосы, замызганные лохмотья, бешено горящие глаза, корявые, торчащие изо рта зубы – казалось, сама смерть явилась перед ней. Старуха щербато ухмыльнулась и поманила Мифэнви грязным кривым пальцем. Словно загипнотизированная, девушка пошла к ней, хотя внутри все вопило и сжималось от ужаса.

– Поиграй со мной, – проскрипела старуха.

– Поиграть? – дрожащим голосом промолвила Мифэнви.

– Да, в «Садовника».

– Но... но... я... не умею...

– Это просто, – почему-то хохотнула старуха, – нужно просто выбрать цветок. Тебе подойдет незабудка.

– Мейв, – окликнул ее Пол, – с кем ты там?

Девушка вздрогнула, словно возвращаясь в реальность. Она обернулась на зов и увидела удивление в глазах жениха: он словно смотрел на пустоту. И действительно, когда она вновь перевела взгляд на то место, где недавно стояла старуха, то там никого не было. Мифэнви поежилась, тряхнула головой, чтобы отогнать жуткое видение, и вернулась к жениху.

Пол взял ее за руку, и они двинулись следом за Филдингом. Дорогой тот все оправдывался:

– Милорд будет очень, очень недоволен. Он с утра в своей лаборатории и велел не беспокоить.

Пол даже обиделся:

– Ну не так часто я приезжаю в гости! Тем более с невестой.

Наконец они вошли в обширный холл. Кругом царили пыль и запустение, словно здесь вообще никто не жил. Создавалось впечатление, что они оказались внутри склепа и вот-вот появится его загробный хозяин – бледный и в одеянии тьмы. Человек, возникший в дверном проеме, как раз походил на этот образ: очень высокий, должно быть, на полфута выше Пола, худой, словно после тяжелой болезни, одетый в какую-то невероятную черную хламиду, всклоченный и с горящим взглядом. При виде его Мифэнви вскрикнула и спряталась за спину жениха.

– Очень вежливо! – прокомментировал ее действия темный незнакомец.

– Колдер, ты мог бы не пугать мою невесту! А то я разозлюсь! – но по лицу было не похоже: напротив, Пол всю улыбался и раскрывал объятия. Однако брат его был, видимо, не в духе.

– Так, решил жениться, а меня лишь поставил перед фактом? Не мы ли договаривались обсуждать такие вопросы на семейном совете?

– Колдер! – возмутился Пол. – Ты совсем тут, в своем Глоум-Хилле, свихнулся. Почему это я должен советоваться с тобой, если я полюбил!

– Я думал, ты взрослый! – холодно, с раздражением проговорил тот. – А ты привез какую-то свистушку, что боится едва ли не собственной тени! Разве такой должна быть хозяйка Глоум-Хилла?!

– Да как ты можешь! – сжал кулаки Пол.

– И кстати, куда ты собрался ее селить? Насколько я понимаю, вы еще не обвенчаны? Значит, ночевать в одной комнате не можете, да и я разврата не потерплю!

Мифэнви готова была разрыдаться: и этому человеку она должна понравиться? Он-то точно взбесил ее! За все семнадцать лет своей жизни Мифэнви не была еще так зла! Мало что о ней говорили в третьем лице, так еще и столь оскорбительные вещи.

Она вышла вперед, сделала книксен и сказала, строго следуя в своих интонациях этикету:

– Милорд, прошу нас простить за столь внезапный визит. Нам бы крайне не хотелось доставлять вам лишние неудобства, поэтому мы немедленно отбудем, тем более что багаж наш еще внизу. За сим – разрешите откланяться.

Колдер замер, будто громом пораженный. Несколько минут, он смотрел на нее, стоящую в косой полосе света, словно гадая, как и когда здесь появилось это неземное создание. Потом, еще более побледнев, буркнул:

– Прошу меня простить, – и ретировался.

Пол взял ее за руку и тихо произнес:

– И впрямь прости его. Он тут совсем одичал. Обычно он куда более обходительный. Идем, я покажу тебе комнату – займешь мою, там есть ванна и камин. А я переберусь в старую детскую.

И, вложив свою ладошку в ладонь жениха, она ступила в новую жизнь...

Графство Нортамберленд, замок Глоум-Хилл, 1878 год

С того вечера зарядили дожди. В такое время выбраться из Глоум-Хилла не представлялось возможным. И все, кто оказался заложником непогоды, бродили по замку, словно тени.

Разумеется, Колдер с презрением отверг предложение Латои. Его передергивало от мысли, что создание, настолько грязное и порочное, прикасалось к нему. Латое разрешалось ходить лишь по периметру комнат, не выходя в центр, дабы не измарать весь дом, как заявил Колдер. Обед ей накрывали в самом конце стола, почти в двух ярдах от хозяев Глоум-Хилла. Ужин ей приказано было не давать, так как вечерние часы ей следовало проводить в молитве и покаянии, не отвлекаясь на мирскую суету в виде приема пищи. Ее великолепные платья – все, что оставалось у нее от бывшего светского блеска! – Колдер самолично выкинул в пропасть, со словами, что его мутит при виде розового. Одежду пришлось одолжить у Мэрион, и теперь Латоя, что ее несказанно бесило, походила на служанку.

Конечно же, Колдер потребовал от нее немедленно убраться из комнаты Мифэнви и поселиться в любой другой, но Латоя взмолилась, мотивировав это тем, что не может переносить холод. Мифэнви вступилась за нее. Колдер счел подобное поведение предательством.

– Ваша доброта еще вам боком выйдет! – сказал он, окинув и просительницу, и просящую за нее колючим, недобрый взглядом.

И Мифэнви очень скоро убедилась, насколько он был прав. Дело в том, что в комнате, которую она заняла, ванной не было. И тогда она решила попроситься к Латое, извинившись за причиняемые неудобства. Подойдя к бывшей своей комнате, она с удивлением заметила, что дверь приоткрыта. Мифэнви все равно постучала и, не услышав ответа, сказала:

– Я вхожу.

Латои в комнате не было. Кругом в беспорядке валялись всевозможные женские штучки, лежала пыль. Мифэнви стало стыдно за кухню. Захотелось тотчас же спуститься за веником и прибраться здесь. И уже отправившись за принадлежностями для уборки, она вдруг остановилась, услышав стоны, доносившиеся из ванной. Страшно испугавшись, не случилось ли чего, Мифэнви ринулась туда и остолбенела от открывшейся картины – Латои, раскинувшись в ванной, ласкала себя. И настолько увлеклась, что даже не заметила вошедшую. Мифэнви, почувствовав, как к горлу подкатывает комок тошноты, выскочила прочь. Пользоваться одной

ванной сразу же расхотелось. Вся пунцовая, она вернулась к себе, прямо в одежде окатила себя холодной водой из кувшина и, опустившись на колени перед распятием, стала истово молиться о заблудшей душе Латои Грэнвилл.

Здесь, в старой детской, камин был давно неисправен, и сейчас Мифэнви стучала зубами. Она поспешила переодеться в глухую ночную сорочку, расчесала волосы и юркнула под одеяло. Но одеяло было насквозь холодным, и она тут же озябла. В результате, дрожа, пролежала без сна всю ночь...

Наутро, перед завтраком, она отозвала Латою в сторону и, краснея и бледнея, сбивчиво попросила ее больше не заниматься столь богомерзкими непотребствами.

– Если Колдер узнает, – тихо, но строго сказала она, – он выставит тебя вон прямо нагишом.

Латоя взвилась.

– Вы тут все либо святоши, либо ханжи! Еще скажи, ты никогда не делала ничего подобного!

Мифэнви подурнело от одной мысли о чем-то таком, схватившись за стену, чтобы не упасть, она проговорила почти с отвращением:

– Неужели, потеряв честь, ты утратила еще и всяческий стыд?

– Стыд?! Стыдом прикрываются те, кто боится дать волю своему естеству, – трусы и слабаки! – гордо вскинула точеный носик Латоя.

– Интересно, – с горьким презрением сказала Мифэнви, – кого ты полагаешь трусами и слабаками: лондонскую знать, что захлопнула перед тобой двери своих домов, или нас с Колдером, пожалевших тебя?

– Не нужна мне ваша жалость! – закричала Латоя, глотая слезы. – Я ничуть не жалею о том, что сделала. Зато теперь я не умру старой девой, как некоторые!

И тогда Мифэнви первый раз в жизни ударила человека.

– Прости, – испугалась она, увидев, как на нежной щеке Латои загорается красная отметина, – но ты уже перешла всякую грань! Согласись, умереть старой девой в некотором смысле лучше, чем падшей женщиной где-нибудь в дешевой лечебнице!

– И что же, тебе никогда не хотелось мужчину? Ты ведь еще совсем молодая!

– Свои желания я похоронила в тот день, когда Пол умер.

– Но это же нелепо – жизнь продолжается! Неужто он бы хотел, чтобы ты вот так хоронила себя заживо?

Мифэнви несколько раз глубоко вздохнула, восстанавливая сердечный ритм, сбившийся от таких разговоров.

– У нас с тобой, Латоя, уж не знаю, как по-твоему – к счастью или к сожалению, слишком разные взгляды на верность и мораль. И я бы попросила тебя больше не поднимать эту тему.

– Да больно мне надо! Но знай: меня бесят такие правильные, как ты! Именно из-за вас нормальные люди, дав волю своим чувствам, подвергаются остракизму.

– И на нормальность тоже разные, – тихо сказала Мифэнви. – И я все-таки надеюсь, что ты перестанешь делать то, о чем мы говорили, пока я здесь хозяйка.

Латоя лишь фыркнула и ушла. Поднимаясь в комнату, она, все еще злая и раздосадованная, развлекалась тем, что мысленно пыталась уложить в одну постель Колдера и Мифэнви. Но, к сожалению, ей так и не удалось представить их не застегнутыми на все пуговицы. Пуритане чертовы. А единственное, о чем сожалеет она, так это о том, что теперь вряд ли сможет потягаться с ненавистной зазнайкой Джозефин Эддингтон. Конечно же, ее свадьба прогремела на весь Лондон! Еще бы, венчание в соборе Святого Павла, тысячи розовых бутонов, которыми усыпали путь влюбленным, и муж, выносящий на руках свою юную супругу. Свет еще неделю гудел об этом. Но пусть Джозефин не думает, что победила ее, шанс отыграться есть всегда. И Латоя, выпятив довольно-таки внушительную грудь, гордо прошествовала к себе.

Дин-дон, дин-дон...

Дождь затих, и Мифэнви вышла на балкон, чтобы немного остыть после разговора с кухней.

И вот этот колокольчик. Неужели, кто-то гонит козу?

Дин-дон, дин-дон...

Ближе и ближе... С клубами тумана, наползающего на замок.

Дин-дон, дин-дон...

– Здравствуй, девочка...

Старушка-нищенка, та самая, что была в день ее приезда в Глоум-Хилл.

– Не передумала еще играть со мной, Незабудка?.. Давай... *Я садовником родился...*

Тьма накрыла Мифэнви. Холодная липкая тьма...

Цветы здесь умирают, я проверял...

И упрямо – перед тем как сознанию померкнуть совсем: я не хочу умирать...

...А в это время в замковые ворота всю колотил Аарон Спарроу...

Глава 6. За одну улыбку твою...

Лондон, Хэмпстед, 1878 год

Пишущая машинка привела Джози в неопиcуемый восторг. Подумать только: ткнул кнопочку – и на тебе! литера на бумаге! Появление каждого знака Джози сопровождала ликующим криком, очень напоминающим тот, которым первооткрыватели сопровождают появление долгожданного острова на океанической глади.

– Ах, Ричард! Спасибо! Спасибо! – вскричала она после первой серии экспериментов, бросаясь ему на шею.

– Не стоит благодарности, ангел мой! – ответил он, прижимая ее к себе и счастливо улыбаясь.

Встав на цыпочки, притянув его за шею и чмокнув в щеку, Джози вновь вернулась к машинке.

Поскольку Джози теперь занималась интеллектуальной деятельностью, по ее же компетентному мнению, то Ричарду пришлось делить с нею свой кабинет. И, будучи патологическим чистюлей, мириться с летающими всюду мятыми бумажками, означавшими муки творчества у его прелестной жены. Работать в таких условиях, конечно же, было невозможно, но отказать себе в удовольствии видеть Джози за пишущей машинкой он не мог.

И вот, решив полюбопытствовать, как продвигается ее история, Ричард подошел к столу Джози, что стоял теперь напротив его собственного. Она была так увлечена, что даже не отреагировала на приближение мужа, хотя еще в самом начале сказала, чтобы он не смел отвлекать ее от работы, потому что она может потерять мысль, и что тогда?

Взяв со стола один из листов, он понял, что имеет честь наблюдать обложку будущего шедевра. По краю страницы шли непонятные волны и кружочки с точечками, должно быть, являвшие собой цветочки и рюшечки, а посредине округлым полудетским почерком было старательно выведено: «Локан страсти».

Ричарда передернуло.

Положив руку на хрупкое плечико жены и чуть наклонившись вперед, он поднес лист к ее лицу и сказал:

– Любовь моя, боюсь вас огорчить, но слово «локон» следует писать через «о».

Изящные бровки Джози нахмурились, огромные серые глаза метали молнии, должны испепелить наглеца.

– Много вы понимаете – через «о»! – взорвалась она.

– Смею вас заверить... – начал было он, но Джози перебила его гневным:

– Будете мне тут рассказывать! Я читала ваши книги!

– Вы читали мои книги?! – опешил Ричард. – Все, я посылаю за Вардисом, потому что всерьез опасаюсь за ваше психическое здоровье!

– Да, читала! – она топнула ножкой, выведенная из себя тем, что он не возликовал от ее заявления. – И скажу вам – вы совершенно невнятно изъясняетесь по-английски, используете какие-то странные слова, а некоторые еще и иностранные!

– О, Джози, я непременно учту ваши замечания в своих следующих трактатах и, более того, обращусь на кафедру филологии Королевской академии наук, дабы они внесли основательные правки в теорию стилей.

– Уж будьте добры! – уже более милостиво снизошла она, хотя и не поняла до конца, о чем, собственно, шла речь. – А то я прочла целых полстраницы...

– Полстраницы научного текста! – ошарашенно произнес он. – О, моя милая, я точно посылаю за Вардисом!

Гнев вернулся. Она вскочила, уперла руки в бока и заявила:

– Да, я прочла целых полстраницы, но так и не поняла, кто такие эти муссоны!

Ричард отпрянул, подняв руки в сдающемся примирительном жесте:

– Хорошо! Просто запомните на будущее, ангел мой, книги без картинок – не для вас!

– Я сама решаю, что мне читать! – взвилась она, потому что напоминание о книге с картинками вызвало в ее памяти ненужное видение. А Ричард не прикасался к ней с той ночи, как она отказалась от его нежности. Он вообще перебрался спать на диван в одну из гостиных. Это добавляло ей поводов для ярости: еще никто никогда – сам! по доброй воле! не бросал Джозефин Эддингтон!

Разговор на эту тему она откладывала до тех времен, пока чаша гнева в ее душе не переполнится окончательно! Вот тогда-то она выскажет ему все, и ему придется поползти у ее ног в пыли, чтобы вымолить право вернуться на супружеское ложе!

– Не беспокойтесь вы так, ангел мой, – сказал он, смиряясь со своим поражением в этом споре, – это крайне вредно для вашей несравненной красоты.

И неизвестно, какой бы оборот принял этот разговор, если бы не слуга, который вежливо постучал в дверь и передал письмо.

– Моя тетушка, графиня Брандуэн, приглашает нас на обед, и я бы на вашем месте поторопился, потому что уже без четверти два, – сказал он, аккуратно складывая письмо.

– Объясните мне, Ричард, – проговорила Джози, обиженная тем, что придется навещать эту высокомерную Брандуэн, – как вы можете называть тетушками и дядюшками совершенно чужих вам людей?! Вы же сирота, которого взяли в семью из милости!

Он не ответил, поворачиваясь к ней спиной и прикрывая глаза. Лишь через пару мгновений звенящего молчания бросил через плечо, сдавленно и устало:

– Идите, Джози. Графиня не любит, когда опаздывают.

И она ушла, рассерженно фыркнув напоследок.

Особняк графини Брандуэн находился в получасе езды от особняка Торндайков в Хэмпстеде.

Платье для дневного визита, которое выбрала Джози Клодин, было из жемчужно-серебристой альпаки и выгодно подчеркивало ее темные волосы и фарфоровую белизну кожи.

В экипаже они с Ричардом сидели по разные стороны и молчали. Он не обнимал ее, не осыпал поцелуями, как делал это обычно, когда они оказывались вдвоем в тесном пространстве кареты. Да что там, он даже не смотрел на нее, уставившись в окно и подперев лицо ладонью. Джози страшно, невероятно злилась!

Лишь возле особняка графини, выйдя первым, Ричард подхватил ее за талию и опустил на землю. Окинул ее лицо каким-то странным, словно испуганным взглядом, взял за руку – похоже, ей никогда не отучить его от этой дурной привычки! – и все так же молча повел в дом.

Встретил их барон Шеффордт, кузен графини.

– Ах, Джозефин! – возопил он, расцеловывая ее в щеки, из-за чего стоявший рядом Ричард напрягся и сжал кулаки. – Вы все хорошеете и хорошеете, хотя, казалось бы, куда еще!

– Нет предела совершенству, дядюшка Хендрик, – холодно проронил Ричард, притягивая Джози к себе.

– Ох, Ричард, мальчик мой, что ты! Разве можно быть совершеннее совершенного! – сказал Шеффордт и тут же вновь переключился на Джози: – Вашего мужа, дитя мое, надо казнить за то, что он прячет от людских глаз такую красоту!

Будь это кто-то другой, Джози не преминула бы поддакнуть, чтобы подколоть Ричарда, но присутствие здесь Хендрика Шеффордта означало, что где-то поблизости находятся его обожаемые внуки – Молли и Долли, а Джози на дух не выносила этих клуш. Они напоминали ей восторженных болонок, которые только и могли, что умиляться по поводу своих отпрысков и обмениваться рецептами бисквитов. Разве могут быть люди столь безмозглыми? – спрашивала

себя Джози. И старалась всегда держаться от них подальше, дабы самой не подхватить этот вирус.

Но вообще, они с Ричардом почти никуда не выезжали. Он с трудом переносил балы, банкеты, всю ту светскую шелуху, которая составляет предел мечтаний некоторых. К тому же ложь и лицемерие, пышным цветом благоухавшие в престижных салонах, вызывали у него острую реакцию отторжения. А если приглашения все-таки было не избежать, Ричард держался отстраненно и не отпускал Джози от себя. «Вы моя жена, и я не намерен делить вас ни с кем даже на время танца», – неоднократно заявлял он. И Джози, хотя и не без возмущений, подчинилась этой его прихоти. Такое властное и бескомпромиссное утверждение его прав будоражило ее, ибо напоминало путы, которыми он связывал ее в постели. Посещать же мероприятия подобного плана одной, будучи замужней женщиной, являлось верхом неприличия. Поэтому ей оставалось лишь навещать родителей, сестриц да нескольких замужних подруг. Но по большей части она предпочитала оставаться дома и развлекать Ричарда, разумеется, когда он тоже был дома, своей хандрой. Как правило, это приводило к определенным, весьма пикантным последствиям.

Появилась графиня Брандуэн. Она подошла и одной рукой сжала руку Ричарда, другой – ладошку Джози. Графиня была высокой, величественной, со следами ослепительной красоты, женщиной, предпочитавшей платья ранневикторианской эпохи.

– Дети мои! Как же хорошо, что вы заглянули! – восторженно проговорила она, увлекая обоих за стол.

Джози она посадила по правую руку от себя, откровенно хвастаясь ею.

– Моя милая, – громким шепотом проговорила графиня, – когда уже вы порадуете нас своим интересным положением?

Джози зарделась, сделавшись еще прекраснее, и бросила испепеляющий взгляд на Ричарда: мол, вот с него и спрашивайте. Они сидели друг напротив друга: в доме тетушки гостей мужского и женского пола всегда сажали по разные стороны стола.

Но поскольку Джози не ответила на вопрос тетушки, то к разговору тут же подключились Молли и Долли и наперебой стали нахваливать своих малышек. Джози вздохнула и призвала на помощь весь свой опыт светского общения.

Обед так и проходил за ни к чему не обязывающей беседой о милых семейных пустячках.

Подали сладкое. Возле Ричарда оказалась тарелка с печеньями, обильно осыпанными сахарной пудрой. При виде этого лакомства он чуть заметно вздрогнул. Джози всегда удивляло, что ее муж настолько не любит сладкое, даже кофе и чай всегда пьет такими, что, по ее мнению, их и в рот-то взять нельзя.

И еще одно, что она замечала всякий раз, когда они навещали кого-нибудь из его названных родственников. В большинстве своем то были милые и даже добрые люди. Правда, любили излишне поболтать и порой казались назойливыми. Но Ричард держался с родней не просто холодно-вежливо, он будто отгораживался от них незримой стеной. Старался занимать такое положение, чтобы ненароком не соприкоснуться ни с кем из них даже рукавами одежды, словно все они были поражены заразной болезнью. Замыкался в себе и отвечал, если обращались к нему, просто и односложно. Еще в самом начале их совместной жизни Джози, пораженная тем, что Ричард, дома не упускавший возможности коснуться ее, в гостях у своих начинал шарахаться и старательно избегать хоть малейшего притрагивания, спросила его, в чем дело. Он ответил, что у него есть причины недолюбливать родню и на том закрыл тему навсегда. И Джози в этом вопросе проявила удивлявшее ее самое понимание – больше не лезла и не докапывалась.

После обеда все отправились на прогулку в сад. Сад у графини Брандуэн был просто верхом совершенства. За ним ухаживали лучшие садовники и озеленители королевства. Удивительным образом в этом саду приживались даже те цветы и кустарники, которым и вовсе не

свойственно расти в этих широтах. Растения в саду были подобраны таким образом, что его хозяева в любое время года могли любоваться ярким цветением.

Графиня взяла Джози под руку и сказала:

– Идемте, дитя мое, мне нужно с вами поговорить.

Джози всегда с подозрением относилась к подобным разговорам. Она вообще предпочитала не говорить по душам с людьми, которые были ей хоть чем-то неприятны.

Поэтому сейчас напряглась и выпрямила спину.

Графиня вела ее в беседку, что красовалась у фонтана на другом конце аллеи. Проходя мимо одной из клумб, Джози вдруг остановилась, пораженная одним из растений. Куст был небольшой и уже почти облетел, поэтому был хорошо виден цветок. Ярко-красный, с длинным оранжевым пестиком, будто усыпанным бусинками. Пять лепестков заворачивались подобно юбке танцовщицы фламенко. Разглядывая этот удивительный цветок, Джози почувствовала, как заколотилось сердце и краска прилила к щекам: он был прекрасен, неповторим и невероятно эротичен.

– Что это? – спросила она, замороженная дивным видением.

– Гибискус, иначе – китайская роза. Редкое растение. Крайне капризен! Так долго болел, что мы уж было выбросить его собирались. Просто удивительно, что он расцвел!

Графиня и сама была потрясена этой аномалией.

– Нравится? – поинтересовалась она, видя, как сияют глаза Джози.

– Не то слово! Никогда бы не подумала, что на свете есть вещи... настолько... настолько совершенные!

– О, дитя мое, вы еще так много не знаете о природе вещей! – проговорила графиня, увлекая ее за собой.

Джози обернулась, чтобы взглянуть в последний раз на цветок, но тут он, прямо на глазах, начал сворачиваться. Затем качнулся и упал наземь.

– Ах! – воскликнула Джози, схватившись за сердце, словно только что потеряла дорогого друга. В глазах ее стояли слезы.

– Не расстраивайтесь, дорогуша. Это нормально. Гибискус цветет всего несколько часов. Считайте, что вам еще повезло его увидеть, – графиня вздохнула и поняла, что так просто ей Джози отсюда не увести. – Знаете, а на Востоке этот цветок, – она перешла на шепот, – считают символом страстной, неприличной любви.

Джози загорелась, как давешний цветок гибискуса. И графиня таки утатила ее, погруженную в какие-то мечтания. Наконец они достигли беседки. Графиня усадила ее напротив себя и, взяв за руки, сказала самым доверительным тоном, на который только была способна:

– Детка, а теперь расскажите мне все без утайки, что у вас происходит с Ричардом?

Джози побледнела. Самые дурные ее предчувствия насчет тетушкиных намерений сбылись.

– Почему вы решили спросить? – промолвила она, отодвигаясь как можно дальше.

– Да между вами словно кошка пробежала. Уж вы мне поверьте, деточка, я такие вещи сразу же замечаю! Он чем-то обидел вас?

Как же мерзко, когда непрошенные гости лезут в твою душу за интимными подробностями. Есть в этой человеческой страсти – рыться с пристрастием в чьей-то жизни – что-то извращенное. Джози глубоко вздохнула.

– Не в этом дело, – проговорила она наконец.

– Так в чем же? – не унималась графиня. – Не бойтесь, я знаю его давно и могу вам помочь!

Джози еще помялась, смущенно комкая подол платья.

– Дело в том, – все-таки сказала она, – что вот уже третью ночь он не спит со мной.

– Чепуха, деточка! – вздохнула графиня, но тут же опомнилась и произнесла: – Вы ска-
зали – третью! И это вас уже так беспокоит? Разве раньше вы спали вместе чаще?

– Вообще-то, – Джози бесила эта перечница, что с каким-то маниакальным наслаждением
препарировала сейчас ее душу, – мы спим вместе каждую ночь, с самого дня свадьбы! И всякий
раз, разумеется, если у меня нет месячных недомоганий, занимаемся любовью!

– И вы так спокойно об этом говорите!

– Я говорю об этом совсем не спокойно, как вы могли заметить! – Джози была не на
шутку зла.

– Возможно ли, чтобы он настолько растлил вас! – вплеснула руками графиня. – С самого
детства он был порочным и невоздержанным в проявлении эмоций! И сколько ни бился его
почтенный приемный отец, этот мальчишка так и оставался гадким дикарем с повадками улич-
ного попрошайки!

На этом тирада графини оборвалась, должно быть, ей не хватило воздуха. И тут графиню
кто-то окликнул, то ли Молли, то ли Долли – с такого расстояния все болонки одинаковы, – и
та, раскланявшись и напоследок велев Джози хорошенько подумать над ее словами, удалилась.

Джози же, поднявшись, побрела вперед. Она не знала, зачем и куда идет, взволнованная
и опустошенная недавним разговором. Она не заметила, как прошла через калитку в старой,
обильно увитой плющом стене и оказалась на каком-то пустыре. Здесь она оглянулась, удив-
ленная тем, куда забрела, повернула уж было обратно, но, зацепившись за что-то, полетела
вперед с криком:

– Ай, каблук!

И, наверное, серьезно ушиблась бы, если бы ее не подхватили.

– Ангел мой, что вы здесь делаете?

Ричард выглядел крайне обеспокоенным. Опустившись рядом на колени, он нежно, но
надежно прижал ее к себе, а она обрадовалась этому объятию и разозлилась, что он заставляет
ее радоваться таким мелочам.

– Каблук! – прохныкала она.

Ричард быстро задрал ее юбку и посмотрел вниз. Изящная туфелька Джози действи-
тельно застряла меж старых корней, и каблук свернулся набок. Ричард осторожно извлек
ножку в белом шелковом чулке из покалеченной туфельки. Ступня у Джози была такой малень-
кой, что, когда он прикладывал ее к своей ладони, целиком помещалась в ней. Он не удержался
и, наклонившись, припал губами к ее прелестной ножке. Сквозь тонкую ткань чулка Джози
чувствовала жар его поцелуя.

Она тихо ахнула от неземного наслаждения, рожденного этой лаской. А Ричард, легко
подняв жену, готов был нести ее назад, как вдруг...

Дин-дон, дин-дон...

Совсем рядом. В сером змеистом тумане...

Дин-дон, дин-дон...

– Холодно, как холодно, – прошептала Джози, и он еще сильнее прижал ее к себе.

И тут появилась старуха. Жуткая, всклокоченная, в лохмотьях. На поясе у нее висел коло-
кольчик. В кривых узловатых пальцах она держала посох. Старуха шла мимо, будто не замечая
их, и напевала себе под нос:

Я садовником родился,
Не на шутку рассердился,
Все цветы мне надоели,
Кроме...

– Что это? – дрожа всем телом, спросила Джози, еще крепче обнимая мужа.

– А вот этого, любовь моя, вам лучше не знать, – сказал Ричард. И в голосе его, обычно теплом и бархатном, звучали стальные нотки.

Он поцеловал Джози в лоб, прошептал какие-то слова, и она тихонько отключилась. Затем, придерживая ее одной рукой, он снял сюртук и бережно уложил на него свое сокровище.

Он чувствовал их присутствие разрядами электричества вдоль позвоночника. Выпрямившись, он осмотрел пустырь и насмешливо произнес:

– Ну что же вы! Выползайте!

И они полезли – серые, юркие, мерзкие... Они хихикали, явно издеваясь над ним:

– Отдай! Отдай нам цветочек!

– А вы попробуйте возьмите! – не менее издевательски, в тон им, ответил он.

Синее пламя, ярко полыхнув в глазах, стало разливаться по телу, искажая черты и члены. Тварь, давно ожидавшая своего часа, радостно выпускала когти и крылья. Длинные клинки загорелись в ее лапах и тут же слились воедино, образуя гигантские садовые ножницы...

– Ты – Садовник? – по их серым рядам пробежала дрожь.

Адское создание расхохоталось и ответило голосом, мало похожим на человеческий:

– Угадали! И я собираюсь как следует прополоть сорняки!

Глава 7. Научи меня цвести...

Графство Нортамберленд, замок Глоум-Хилл, 1875 год

Тем же вечером Мифэнви спустилась к ужину в бледно-голубом платье из тафты, оставившем открытыми ее худенькие плечи, обильно осыпанные веснушками.

Колдер, уже гладко причесанный, но по-прежнему с ног до головы облаченный в черное, окинул ее неодобрительным взглядом.

– Это крайне легкомысленно с вашей стороны, – прокомментировал он это одеяние, – в замке довольно холодно, можно простудиться.

– Когда женщина открывает плечи, она хочет, чтобы мужчина согрел их своими ладонями, – ответила Мифэнви. И Колдер, уже собиравшийся прочесть ей гневную отповедь, вдруг осекся и устался в тарелку.

Пол переводил взгляд с невесты на брата и не понимал, что происходит. Поэтому он разлил по бокалам вино и радостным голосом предложил выпить за знакомство.

Но, несмотря на это, разговор не клеился, прерываясь долгими паузами. Мифэнви сидела, выпрямив спину и сжимая вилку. Колдер и вовсе отстранился в тень и молчал. Не в силах смотреть, как дорогие ему люди расходятся все дальше, Пол сказал:

– Мейв, может, сыграешь нам? У нас восхитительный рояль!

Это, пожалуй, единственное, что могло объединить их. Пол прекрасно знал, что в те моменты, когда было особенно тяжело, Колдер изливал душу в музыке.

– Рояль? Здесь? – удивилась она. – Как вы его сюда доставили?

– Это уже другой вопрос, – улыбнулся Пол и протянул ей руку. – Идем, я покажу тебе...

И заметил, что Колдер как-то странно посмотрел на их соединенные руки.

К столовой примыкала небольшая комната округлой формы. Через два стрельчатых окна в нее лился неровный лунный свет. Черный рояль, казалось, урча, словно огромный сытый кот, нежился в этом небесном серебре. Клавиши же в полумраке выглядели ухмылкой.

Мифэнви осторожно коснулась их, рождая нежные чистые звуки. Инструмент был в идеальном состоянии: видно, что им часто пользовались и бережно ухаживали.

Девушка подвинула табурет, слегка размяла пальцы и... Она точно знала, что будет играть – непременно Моцарта! Она любила его за волшебство и солнечность. За искрящуюся дивным светом абсолютную музыку, словно подслушанную где-то на небесах.

И сейчас, играя, она парила сама. Сияющая, тонкая в полосе лунного света. Пол заметил, что брат сначала смотрел на нее, не отрываясь, каким-то воспаленным, блестящим взглядом, а потом, откинувшись головой на дверной косяк, закрыл глаза и сложил руки на груди, погружаясь в свои мысли.

Пол сидел на скамейке, что занимала проем одной из ниш. Лицо его было в тени. Зато сам он хорошо видел их. Колдер, словно творение графика, высокий, прямой, темный, и Мифэнви, хрупкая и почти нереальная в этих лунных отблесках. Слово некий незримый художник нарисовал их, позабыв о других красках, кроме оттенков черного и белого.

И вот последняя нота чудной мелодии истаяла в воздухе. И Пол заметил, как брат его вздрогнул от этой внезапной, оглушающей тишины. Наконец Колдер отлип от дверного проема и, бросив почему-то уничижительный взгляд на юную музыкантшу, холодно произнес:

– Что ж, играете вы довольно сносно. Думаю, время от времени я смогу доверять вам свой инструмент.

С этими словами он резко повернулся и вышел, даже не простившись.

Мифэнви закрыла глаза руками и проговорила:

– Ты вправду думаешь, что я смогу понравиться ему? – голос ее дрожал от слез.

Пол подошел к ней и положил ладони на ее плечи.

– Успокойся, все будет хорошо! – сказал, сам едва веря тому, что говорит. – Иди спать, сегодня был трудный день.

Мифэнви поднялась к себе. В комнате она застала служанку – пухленькая миловидная девушка с золотистыми кудряшками, живыми карими глазами и смешным вздернутым носиком была как глоток жизни в мрачной атмосфере замка.

Девушка оправляла постель.

– Меня зовут Мэрион, – представилась она, сделав книксен. – И ваша ванна уже готова, миледи.

– Спасибо, – чуть смущенная такой заботой, сказала Мифэнви, – не стоило утруждать себя.

– Как же, хозяин сказал, что я должна делать все, что вы ни прикажете, – живо отчеканила горничная.

– Пойдите, Мэрион, который из хозяев?

– Лорд Грэнвилл, разумеется.

– А разве оба брата не лорды? – удивилась Мифэнви.

– Тсс! – зашикала Мэрион. Оглянулась по сторонам, откинула штору на окне и даже нагнулась, заглядывая под кровать. Убедившись, что никакой соглядатай здесь не прячется, она взяла Мифэнви за руки и усадила на кровать. – Так вы, миледи, совсем ничего не знаете?

И Мифэнви поняла, что сейчас откроется еще одна из загадок замка Глоум-Хилл. Интересно, сколько же скелетов прячется по здешним пыльным шкафам?

– Сэр Колдер и сэр Пол братья только по отцу, – начала Мэрион. – Мать сэра Пола была некогда воспитанницей старшего лорда Грэнвилла. Он соблазнил ее. Она так и умерла невенчанная, дав жизнь плоду своего греха. Лорд Грэнвилл, сказывают, пришел в бешенство: ведь его жена, мать сэра Колдера, тоже умерла родами. Говорят, – она перешла на яростный шепот, – семя у него проклятое! Так вот, он бесился, значит, хотел сэра Пола выкинуть на улицу, чтобы того съели собаки. Ей-ей, вы у Филдинга спросите, он это застал! Но тут сын вступился за малыша. Он по-своему любил бедняжку Лизабет, мать Пола, а она, сама еще почти ребенок, заботилась о нем как могла. Мальчишка держал ее за руку, когда та отходила, и пообещал не бросать ее сироту. Лорд пришел в такую ярость, что, говорят, чуть не прибил его. А наутро он выслал сэра Колдера с малышом и несколькими слугами сюда, в Глоум-Хилл. И только два года назад, уже умирая от сифилиса, он признал сэра Пола своим законным сыном и наделил его всеми правами и регалиями, что и полагаются лордам. И хотя в деньгах никогда не отказывал, толку от этого было мало: сэр Пол столько лет прожил – а по мне, так промаялся, вы ж знаете их, этих сплетников! – ненастоящим милордом. Поэтому если в Глоум-Хилле говорят «милорд», то имеют в виду только одного – сэра Колдера.

Сказать, что Мифэнви была шокирована этим рассказом, значило бы ничего не сказать. Ее нежное сердечко трепетало от щемящего сострадания, боли, презрения к отвратительному поступку старшего лорда Грэнвилла. Она судорожно сжала лиф платья, дыхание ее сбилось, а щеки пылали.

– Это ужасно! – вскричала она. – Я постараюсь! Я изо всех сил постараюсь, чтобы понравиться ему! Пол больше не будет так страдать! Никогда!

– Миледи! – испугалась, в свою очередь, ее горячности Мэрион. – Простите, простите, что разволновала вас!

– Вам совершенно не за что извиняться, милая Мэрион, – ответствовала Мифэнви уже спокойнее. – Вы правильно сделали, что рассказали. Ох уж эти мужчины! Они скорее стиснут зубы, чем покажут нам, женщинам, свою уязвимость!

– Это верно! Вы, миледи, говорите прям как ангел! – заявила Мэрион с такой уверенностью, будто каждый день слышала ангельские голоса. – Скажите, миледи, вы разрешите помочь

вам переодеться и расчесать вас?! Я потом буду внукам рассказывать, что причесывала настоящую принцессу!

– О, дорогая Мэрион, наверное, я сейчас расстрою вас, но я никакая не принцесса! Мой отец – вовсе не король!

– Неважно! – радостно вскричала Мэрион. – Все равно все говорят, что вы – принцесса! Значит, так и есть!

Утром после завтрака Пол увел ее за собой.

Тропинка вниз была довольно крута, и Полу приходилось буквально нести свою невесту. Наконец спуск стал более пологим, и они смогли идти вместе, взявшись за руки.

Деревенка Хидвил приютилась в живописной ложбине гор. Осень щедро мазнула их желтым, но зелень еще не собиралась сдаваться, хотя и не была уже такой изумрудной. То там, то сям растекались сиреневыми лужицами сентябрины. Где-то вдалеке паслись козы. Вокруг царило воистину идиллическое умиротворение.

– Пол, это прекрасно! – захолопала в ладоши Мифэнви, и прекрасные глаза ее увлажнились от восторга.

– Я же говорил, Мейв, что тебе тут понравится! – Пол, сияя, глядел на нее. Взяв ее ладошку и поцеловав чуть выше перчатки, он сказал: – Давай обручимся еще раз перед лицом этой красоты?

– Пол! Милый-милый Пол! – проговорила она. – Мы обручались уже так часто – и перед ветром, и перед солнцем, и перед Глоум-Хиллом, что небо скоро сочтет нас язычниками и перестанет принимать наши клятвы.

Она подняла руку и приложила к его щеке, он накрыл ее ладошку своей.

– Когда ты собирался сказать мне, что ты – незаконнорожденный?

Он напрягся.

– Слуги уже рассказали?

– Да, живописали в красках. Но почему ты сам не сказал?

– Это что-то бы изменило? – с горечью спросил он.

– Если ты о моих чувствах – то нет. Но мы должны доверять друг другу. Что еще я должна узнать?

Пол задумался. Не все тайны были только его. Но она права, лучше начать сейчас, чтобы потом некоторые пыльные секреты не отравляли жизнь.

Он вздохнул и сказал:

– Десять лет назад у Колдера тоже была невеста. Нелли...

– О боже! – закрывая рот руками, испугалась Мифэнви. – Ты говоришь так... Та девушка... она умерла?..

– Лучше бы умерла! – сжав кулаки, прокричал Пол. – Он так любил ее! Он увидел ее в церкви на утренней службе и решил, что встретил ангела. У нее были такие невинные карие глаза. Колдер попросил ее руки, она ответила согласием. О, я помню тот день! Он весь сиял! Никогда больше я не видел его таким счастливым! Все шло к свадьбе, несмотря на ее простое происхождение: Колдер был влюблен, и ему было не до таких пустяков. Но вот однажды, вернувшись из Хидвила, он застал в замке отца – тот всегда приезжал неожиданно, не предупреждая... Так вот, там был наш отец и эта... эта... Нелли... Они... – Пол осекся, потом перевел дух и, густо покраснев, закончил: – Они лежали вместе... обнаженные...

Мифэнви пошатнулась. Пол подхватил ее. Она вся горела.

– Прости, что говорю. Но я должен... должен рассказать... Так вот, Колдер решил, что это отец так отомстил ему за то своеволие со мной, но тут влезла сама Нелли. Она сказала, что уже давно... давно... с нашим отцом...

Мифэнви побледнела.

– Да, столь вероломной оказалась она. Хотела выйти за Колдера, чтобы скрыть свой грех... Он выгнал ее, подрался с отцом и поклялся, что ни одна женщина отныне не переступит порог Глоум-Хилла, чтобы больше не причинять его обитателям боли! – он спрятал лицо в руках, его колотило.

Мифэнви ласково обняла его, пытаясь утешить.

– Воистину это мрачный замок, забирающий счастье... – тихо проговорила она.

– Это наш замок! Поколения Грэнвиллов жили здесь!

– Прости, я ни в коем случае не хотела обидеть тебя и твое родовое гнездо, – сказала она и нежно улыбнулась Полу.

– Все нормально, – уже спокойно ответил он и тоже улыбнулся, – ты не должна извиняться.

– Знаешь, – проговорила она, чуть покраснев и спеша перевести разговор в более мирное русло: – Я бы хотела, чтобы мой венок был из этих цветов.

Мифэнви кивнула на полянку, напоминавшую пестрый коврик в деревенском доме.

– Хорошо, думаю, в Хидвиле есть мастера, которые помогут тебе.

– Не нужно мастеров! Ты не представляешь, какой нудной бывает жизнь принцесс и сколь многому они могут научиться, ожидая, пока за ними явится их прекрасный герой! – она чмокнула его в щеку и начала собирать цветы.

Назад Мифэнви возвращалась одна. Пол помог ей взойти по крутой тропинке, а сам ушел в Хидвил, посмотреть, как движется подготовка к свадьбе.

Девушка шла с охапкой цветов, мечтая о том, какие она наделает венки, украсит их лентами и развесит вдоль главной лестницы Глоум-Хилла. Она заставит этот замок полюбить цветы! Лучше было думать об этом, чем о грехах и преступлениях, которые, словно паутина, повисли на его стенах.

В дом она вошла через кухню, раздарив по цветку поварам.

– Ангел! Суший ангел! – несло ей вслед, заставляя краснеть.

– Бедная, бедная девочка! – слышалось другое, заставляя вздыхать.

Она уже подошла к лестнице и собиралась было подниматься к себе, как сзади раздалось:

– Зачем вы притащили сюда этот мусор, миледи?! – Она обернулась – черные глаза Колдера метали молнии.

– Если вы могли заметить, милорд, это – цветы! – Мифэнви, к своему удивлению, поняла, что опять начинает злиться.

– Это мусор! Цветы здесь не живут более двух часов!

– У меня будут жить!

– Это почему же еще?! Потому что вы – самоуверенная глупая девчонка?! – его взгляд прожигал ее насквозь.

– Да как вы смеете со мной так разговаривать?! – внутри у нее все клокотало. Впервые в жизни кто-то оскорблял ее столь бесцеремонно. Пусть двор ее отца и был кукольным, но он все же имел некоторое подобие королевского, и она привыкла к почету и уважению.

Однако дерзкий лорд Грэнвилл только презрительно хмыкнул:

– Я, между прочим, у себя дома, где разговариваю с непрошеными гостями так, как захочу. Здесь действует мой этикет. Скоро вы станете моей невесткой, поэтому лучше вам сразу запомнить – ни один Грэнвилл никогда не потерпит, чтобы им помыкала женщина! А уж я – тем более! Потому что все вы – вероломные коварные существа!

Мифэнви закипала медленно, но неуклонно:

– Не судите всех одинаково!

– Вот еще! – с ехидцей проговорил он. – А чем это вы лучше других? Вчера – плечи, Моцарт, сегодня – цветы. Все эти ваши женские штучки из арсенала сведения с ума мужчин!

– А вы имеете что-то, против моих плеч, Моцарта и цветов? – спросила она едва ли не зло.

– Нет... – он уже набрал воздуха для очередной тирады, но тут она перебила его: вытащив из букета незабудку, невозможную в этих краях в сентябре, она швырнула цветок ему под ноги, проронила ледяным, истинно царственным тоном:

– Так утешьтесь же, несчастный! – развернувшись и, подхватив край платья, пошла вверх. Он же, как громом пораженный, стоял и смотрел ей вслед.

... В этот раз спуститься в гостиную ее заставили громкие голоса: братья на повышенных тонах выясняли отношения.

– ...Свадьбы не будет! – Колдер с такой силой саданул по каминной решетке, что из камина едва не полетели кирпичи.

– Это не тебе решать! – взвился Пол.

– Мне, потому что теперь, после смерти отца, я – старший в семье. И вообще, из нас двоих я куда больше лорд, чем ты!

– Да пожалуйста, – закричал Пол, и в глазах его заблестели слезы, – забирай все эти свои титулы, замки и тащи их с собой в могилу! Я обойдусь как-нибудь и без фамилии Грэнвилл! Больно она мне нужна, измаранная этим ублюдком, который, к несчастью, был моим отцом!

Колдер уже занес руку, чтобы как следует врезать брату, когда между ними встала Миф-энви:

– Прости меня, Пол, и вы, милорд, – чуть поклонившись, сказала она спокойным тихим голосом, – но свадьбы действительно не будет. Вот, Пол, я возвращаю тебе кольцо и расторгаю нашу помолвку! Прощай, дорогой. Счастливо вам оставаться, лорд Грэнвилл.

С этими словами она отправилась к себе собирать вещи. Последнее, что она слышала, это был истеричный голос Пола:

– Ты доволен! Тебе нравится сидеть здесь бирюком – вот и сиди! И с этого дня у тебя больше нет брата.

В дверь стучали лихорадочно и настырно.

– Пол, я не стану с тобой разговаривать. Все действительно кончено, – бросила она через плечо, дрожащими руками заталкивая в саквояж очередное платье.

– Это не Пол, – ответили с другой стороны.

Она выпрямилась, несколько раз вздохнула и открыла дверь.

Он с порога опустился на колени, раздавленный, разбитый, с глазами больного пса:

– Простите меня! Я отвратителен! Просто... просто... я так давно живу один... совсем одичал, хуже горного тролля, – горько усмехнулся он, – разучился быть нормальным. А тут вы – сотканная из света! Являетесь и оглушаете меня юностью, музыкой, красотой... Простите меня! Не уезжайте! Оставайтесь ради Пола! Он все, что у меня есть! Я очень люблю своего младшего брата и совершенно не готов потерять... И цветы... они правда здесь вянут... я проверял...

Она позволила ему припасть к своей руке – и осталась.

Вечером того же дня они устроили ужин примирения. На ней снова было платье, приоткрывающее плечи. И Пол снова надел ей на пальчик кольцо. Колдер был вежлив, обходителен – подал ей стул, положил на тарелку кусок торта побольше – и даже шутил. Правда, ничего не ел, только пил бокал за бокалом...

Пожелав им спокойной ночи, она уже собралась к себе, когда услышала разговор:

– Ты что, пытался приударить за моей невестой?

– О нет, это было бы слишком грязным даже для меня.

А утром была свадьба. Простая деревенская свадьба. И она шла по проходу, легкая и тонкая, в светлом безыскусном платье и венке из осенних цветов. Фаты не было, но длинные золотисто-рыжие волосы, ниспадая до осиной талии, придавали ей сходство с нимфой. И Пол улыбался ей, счастливо и светло. Колдер тоже улыбался, поздравлял... и прятал за спину руки, чтобы близкие не видели, как у него дрожат пальцы... Но она все равно заметила...

...Теперь они могли сколько угодно целоваться и дурачиться... Едва выйдя из церкви, Пол потащил ее за собой, куда-то вверх...

– Ты должна их увидеть! – ликующе кричал он. – Это просто чудо, что они расцвели сейчас!

Она пыталась сказать, что не нужно, звала вниз. Но он лишь с мальчишеским упрямством мотал головой. Потянулся за ними, неловко повернулся и рухнул вниз, к ее ногам, со сломанной шеей...

В его широко распахнутых, еще счастливых глазах отражалось небо. В руках он сжимал букетик незабудок... Они тут же увяли и рассыпались в прах...

– *Дин-дон, дин-дон*, – прозвонил колокольчик...

Мифэнви лишилась чувств...

Графство Нортамберленд, замок Глоум-Хилл, 1878 год

Направляясь сюда, в Глоум-Хилл, Аарон Спарроу и представить не мог, что его встретят столь необычным способом. Меж тем замковая калитка открылась, и напрямик в его объятия влетела очаровательная блондинка. Она летела с такой силой, что, врезавшись в него, несмотря на свое довольно хрупкое телосложение, в буквальном смысле сбила с ног.

Немного придя в себя и помяв его обширный живот своими нежными ручками, она тут же воздела их к небу, закричав:

– О боже! Я, юная девушка, в объятиях джентльмена! Какой пассаж! Моя репутация погибла! О, горе мне! Есть только один все исправить: если вы джентльмен, в чем я ни секунды не сомневаюсь, то женитесь на мне!

Хотя видеть их могли только высохшие кусты вереска да вороны.

Поняв о чем, собственно, речь, Аарон стукнулся затылком оземь, улета в сладостное небытие...

Колдер едва успел подбежать, чтобы подхватить падающую Мифэнви.

– Латоя! – заорал он так, что древние стены замка едва не заходили ходуном. – Латоя, черт тебя побери!

Она, конечно же, примчалась, поскольку вопль его, должно быть, было слышно на другом конце земли. Испуганная, как заполошная квочка, часто моргая своими длинными, словно веера, ресницами, она смотрела, как ее кузен с беспредельной нежностью и столь же беспредельным отчаянием прижимает к себе тоненькое тело Мифэнви. И на лице его было такое выражение, с каким идут убивать.

– Что случилось? Рассказывай, дрянь! – голос его звенел концентрированной яростью.

– Ничего, – запинаясь, пролепетала Латоя. – Мы просто поговорили!

– О чем вы поговорили?! – Латое почудилось, что начался камнепад. – Ну, о чем вы поговорили, что она потеряла сознание?! Что ты сказала ей, тварь?!

– О, так она жива! – ликующий возглас разбилась о взгляд, ясно давший понять, что бы случилось с ней, Латоей, не будь Мифэнви жива. Поэтому она поспешила заверить: – Мы просто говорили о ханжах и морали! Кто бы мог подумать, что она такая неженка!

– Ах, вы просто говорили! – голос хозяина Глоум-Хилла стал предельно нежным, но глаза опасно сверкали. – Ну что ж, сейчас мы с тобой тоже... просто поговорим, – и, надежнее обняв Мифэнви, он направился к лестнице, ведущей на третий этаж, где располагались спальни. У

края лестницы он обернулся, прожег взглядом Латою. – Жди меня здесь, маленькая дрянь, и если посмеешь сдвинуться хоть на йоту, я убью тебя, клянусь семью поколениями Грэнвиллов!

И Латою застыла как вкопанная, не на шутку перепуганная, вмиг припомнив все темные легенды и слухи, что окружали имя ее кузена.

Поднявшись в комнату Мифэнви, бывшую комнату Пола, Колдер очень осторожно, словно величайшую ценность на земле, опустил невестку на кровать, откинул с лица золотисто-рыжую прядку, наклонился вперед, прислушиваясь к дыханию. Дыханье было спокойным, но глаза ее оставались плотно закрытыми. Невесомо поцеловав ее в лоб, он встал и, тихонько притворив за собой дверь, стремительно ринулся вниз.

Латою действительно ждала его на том же месте, буквально приросла к полу. Сейчас она проклинала тот день, когда мать уговорила ее, опозоренную, уехать сюда, в Глоум-Хилл. Отправляясь в это путешествие, Латою сильно рисковала – она происходила из такой далекой ветви Грэнвиллов, что степень ее родства с обитателями этого замка являлась весьма сомнительной. Но тем не менее наличие древней фамилии позволяло ей рассчитывать на некоторый успех предприятия, как делало прежде вхожей в лучшие дома Лондона. Историю Пола и Мифэнви она узнала от не в меру болтливой Мэрион, остальное легко разглядела опытным взглядом светской львицы. Версия про кузину показалась ей самой простой и надежной – чутье подсказывало, что спрашивать с нее гербовые бумаги, удостоверяющие родство, нынешние хозяева Глоум-Хилла не станут. А присочинить о своем знакомстве с Полом до их с Мифэнви свадьбы не составило труда. Честно говоря, у нее были основания полагать, что, узнав о ее грехе, Грэнвиллы отнесутся к этому спокойнее, чем лондонская знать: учитывая-то репутацию старого лорда Грэнвилла. Каково же было ее удивление, когда в лице Колдера и Мифэнви она наткнулась на святош, чопорных и застегнутых на все пуговицы. И вот теперь ей оставалось только стоять и ждать расправы.

Кара не замедлила явиться в лице Колдера. Он грубо схватил ее за локоть, основательно встряхнул и произнес свистящим от ярости голосом:

– А теперь выкладывай, о чем вы с ней говорили? И только попробуй мне что-то утаить!

По телу Латою пробежала дрожь возбуждения – властные, грубые мужчины заводили ее. И хотя Колдер был вовсе не в ее вкусе – слишком худой, слишком бледный, слишком отрешенный от земных страстей, – сейчас она отчаянно пожалела, что не заполучила его в мужья: она могла побиться об заклад, что в постели он более чем горяч.

– Ну же, я жду! – прошипел он.

– Твоя *обожаемая*, – она нарочно подчеркнула «обожаемая», – Мейв просто сделала из мухи слона!

– Поподробнее, пожалуйста, а там я сам разберусь, кто из чего что сделал, – недобро сощурился он.

– Хм... да просто эта святоша зашла ко мне – без стука, заметь! – когда я ласкала себя в ванной...

– Что ты делала? – с давешней вкрадчивой нежностью поинтересовался он.

– Я уже сказала! Зачем ты хочешь, чтоб я повторила это, Колди...

– Не смей сокращать мое имя, шлюха, иначе, клянусь могилой Пола, я пришибу тебя на месте...

– Ой, ладно она, но ты-то не изображай из себя святошу! Про похождения твоего папаши в Лондоне только глухой не знал! А яблочко от яблоньки, как известно... И твой любимый братик Пол разве не был бастардом?!

Он отвесил ей пощечину, да так, что она отлетела к стене.

– Колдер, ты что, спятил?! Ты же разобьешь мне лицо!

Он не ответил, лишь, с рычанием подскочив к ней, схватил за волосы, намотал на кулак и поволок к входной двери.

Она визжала, как раненый поросенок.

– Что?! Что ты собираешься делать?!

– То, что должен был сделать с самого начала, – собираюсь вышвырнуть тебя отсюда ко всем чертям! – прорычал он.

– Но мне некуда идти!

– Какое мне до этого дело?! Ты мне седьмая вода на киселе! Я не обязан о тебе заботиться!

– Колдер! Ты окончательно спятил, да?! Мне же больно! – вопила она, пытаясь вырваться, но лишь усугубляя свое положение.

– А мне противно, что я вообще вынужден прикасаться к тебе!

– Ты – маразматик, у которого сдвиг на почве длительного воздержания! Тебе следовало бы давно переспать с ней! Ты ведь хочешь ее, эту твою святошу Мейв! Ты ведь не раз мечтал раздвинуть ей ножки и как следует прочистить ее, а, Колдер?!

Он сжал ее волосы так, что ей показалось, будто сейчас слезет кожа, встряхнул ее, вызвав очередной вопль, и прорычал:

– Как смеешь ты, – он грязно выругался, – касаться самого ее имени своим поганым ртом!

Он волок ее по брусчатке двора, как тряпичную куклу, и Латое оставалось от всей души благодарить изобретателя турнюров за то, что ее прелестный задик еще не стерт совсем.

Наконец, достигнув ворот, Колдер, одной рукой все еще удерживая Латою за волосы, другой распахнул входную калитку и, проигнорировав мелькнувшую в проеме тень, швырнул свою дражайшую кузину вперед, снабдив напоследок солидным пинком. Хлопнув калиткой так, что затрещали доски, он отряхнул руки, крутнулся и понесся в сторону замка.

Черным вихрем он влетел в винный погреб, схватил ближайшую бутылку, шарахнул ее об стену, отбивая горлышко, опорожнил всю, не обратив внимание на то, что острый край рассек ему губу... Равнодушно смазав кровь, Колдер помчался дальше... Путь его лежал через помещения для слуг, и те в ужасе разбежались в стороны при виде хозяина. А испугаться было чего – кровь на тонких губах и подбородке, мертвенная бледность, дико горящие глаза, развевающиеся черные одежды...

– Загрыз! Не иначе загрыз бедняжку! Вампирюга! – шикали ему вслед люди, памятуя о том, что буквально несколько мгновений назад он куда-то тащил громко верещающую девушку.

Только Колдеру сейчас было плевать на эти пересуды: темная фамильная похоть Грэнвиллов, давно заглушенная и задавленная, но разбуженная сейчас словами Латои, коржила его, почти лишая рассудка. Он несся к заветной двери, плохо соображая, что будет делать...

Наконец он распахнул дверь и замер... Мифэнви лежала в той же позе, в какой он ее оставил – такая хрупкая и до боли желанная. Он вошел и притворил за собой дверь, сползая по ней, ударяясь затылком и со сдавленным стоном хватая себя за волосы...

Грязные твари внутри него – наследие семи поколений распутников и сластолюбцев – бесновались, грозя вот-вот порвать железные цепи самоконтроля...

Глядя на Мифэнви, ему больше всего на свете хотелось содрать с нее это уродливое платье, обнажая усыпанные веснушками худенькие плечи, разметать по подушкам червонное золото волос и попробовать, каковы на вкус эти детски-припухлые, сейчас чуть приоткрытые губы.

Но он давным-давно, еще когда сам умолил ее остаться, чтобы отдать брату, запретил себе даже мечтать об этом.

А потом, когда она, юная и невозможно красивая, шла по проходу в церкви, чтобы принести брачные клятвы его брату, он шептал:

– Только будь счастлива!

Когда отрывал ее, бьющуюся в истерике, от безжизненного тела Пола и нес в замок, он шептал:

– Только не плачь!

Когда, потухшую и присмирившую, удерживал за талию на похоронах, сам готовый ринуться в могилу за любимым братом, последним его родным человеком в этом мире, он шептал:

– Только не уходи!

Потом, когда целых полтора года бился с ее меланхолией и депрессией, шептал:

– Только живи!

И наконец, когда она сама впервые вышла во двор и сказала еще тихим, едва слышным голоском, что хотела бы здесь, на камнях, разбить клумбы и посадить цветы, он самолично таскал почву из долины и шептал:

– Только улыбайся!

А после цветы расцвели, и она впервые за много дней рассмеялась, и он понял, что победил. Победил мерзких демонов, что пытались, сбив его с пути потерями и горем, потушить ее свет.

И вот сейчас они вылезли вновь, алчущие и жаждущие, впивающие когти и зубы в его душу, и требовали: накорми! накорми! И ему приходилось всаживать ногти себе в ладони, иначе бы он, содрав с нее одежду, взял бы ее, зло и неистово, не делая скидки на хрупкость, не церемонясь с невинностью... Он бы упивался ее криками, слизывал бы ее слезы, терзал бы ее груди...

Колдер мучительно застонал. Как же давно у него не было женщины. По сути, у него никогда не было своей женщины. Те же, кого бы он хотел назвать своей, уходили к другим – к отцу, к брату... А ему же оставались только шлюхи. Он брезговал шлюхами, презирал себя за каждое посещение, но по-другому было просто нельзя, чтобы не слететь с катушек. Шлюхи у него были постоянные, чистые и проверенные, чтобы избежать участи отца. Он достаточно платил им, чтобы они принимали только его, чтобы терпели его утонченный садизм, настоящий на фамильной спеси и столь присущий выходцам из старинных аристократических династий...

– Но почему, почему ты не выбрала меня, моя Незабудка! – прошептал он горестно и обреченно. И тут длинные, загнутые и будто осыпанные золотой пылью по краям, темно-рыжие ресницы Мифэнви затрепетали. Она открыла глаза и встретилась с алчущей бездной его взгляда.

– Вы сказали – Незабудка? Та старуха... она тоже звала меня Незабудкой...

– Да, Мифэнви, Незабудка, – произнес он, когда дыхание все-таки восстановилось после недавнего забега по кругам ада, – цветок. Вы – Цветок. А я – Смотритель Сада ОРДЕНА Садовников².

– Что еще за орден? Нечто вроде секты религиозных фанатиков? – почти с презрением сказала она.

– Нет, скорее, нечто вроде рыцарей – хранителей баланса и равновесия.

– Цветы, Садовники, тайный орден. Вы пугаете меня, Колдер. Это пахнет языческой ересью! – почти гневно проговорила Мифэнви. Хотя она и не отличалась излишней набожностью, ее тем не менее возмутило услышанное.

² Орден Садовников не придуман автором, а существовал на самом деле. Пик его деятельности пришелся на конец XVIII–XIX век. Действовал орден в Европе, в том числе и в Англии. По аналогии с масонами, вольными каменщиками, Садовники пользовались терминологией представителей своей профессии – отсюда «Цветы», «Смотрители Сада» и пр. В отличие от классической масонской ложи, орден Садовников делился на несколько мужских и две женские ложи. Мужские – внешние. Женские – внутренние, совершенно сакральные. Женщины считались почти богинями, хранительницами жизни. Мужчины же защищали и оберегали их. Во главе ордена стоял Мастер-Дракон. По некоторым сведениям, орден действует до сих пор. Автор позволил себе некоторые вольности, построив немного свою иерархию и наделив членов ордена сверхспособностями. Хотя кто знает, какие они на самом деле, эти садовники.

– Ничего подобного, – уверенно сказал он, вставая и отряхиваясь, – мы ведь охраняем Сад.

– Какой еще сад? – удивилась она. – И от кого?

– Сад, Мифэнви, только один. Тот самый, о котором сказано в Священном Писании, – Эдемский, – отозвался он. – Приходите ко мне в лабораторию, вам еще столько предстоит узнать... – с этими словами он поклонился и выскользнул из комнаты.

Мифэнви сидела потрясенная, не в силах поверить, что все происходящее – реальность. Сначала та старуха, теперь Колдер зовут ее Незабудкой. Пол тоже умер, сжимая в руке незабудки...

Ох, может, все-таки стоит сходить и выслушать его?

Раньше Мифэнви никогда не была в лаборатории Колдера. Ну химичит там себе, да и пусть химичит. Ее как-то и не тянуло. Поэтому сейчас, остановившись у солидной кованой двери, она приложила руку к груди, в которой испуганно колотилось сердце.

Наконец, собравшись с духом, толкнула дверь – та была чуть-чуть приоткрыта, вошла – и обомлела: кругом валялись пергаментные свитки и лежали стопы старинных книг, в перегонных кубах и ретортах что-то булькало, в шкафах стояли банки с заспиртованными фантазмагорическими тварями... Мифэнви удивилась, что не лишилась чувств при виде всего этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.